

Елизавета Найт

Мама для наследника

миллионера

<https://litres.ru/74238763>

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР!!! Моя жизнь потеряла смысл. Тот, ради которого я продала свое тело, умер. Тот, который купил меня, жаждет отобрать моего ребенка. Что мне остается? Сбежать! И пытаться построить новую жизнь на обломках старой. Вот только отец моего ребенка не желает меня отпускать. **Внимание!** Данная книга содержит нецензурную брань, сцены эротического характера, распития спиртных напитков и табакокурения. **Обязательный ХЭ**

Содержание

Пролог	4
Часть I Глава 1	10
Часть I Глава 2	18
Часть I Глава 3	29
Часть I Глава 4	39
Часть I Глава 5	58
Часть I Глава 6	73
Часть I Глава 7	83
Часть I Глава 8	96
Часть II Глава 1	102
Часть II Глава 2	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог

- Неплохо, - резкий женский голос возвращает меня в реальность.

Моих обнаженных плеч касаются ее ладони.

Несмотря на то, что они теплые, меня пробирает озноб от этой женщины. Вздрагиваю.

В зеркале прямо перед собой вижу две фигуры. Две брюнетки. Примерно одного роста и телосложения. Вот только мне двадцать с небольшим, ей за сорок.

Всматриваюсь в ее отражение. Да, у нас много общего. Овал лица, разрез карих глаз, волосы...

Ее длинные каштановые пряди собраны на затылке в конский хвост. Мои в высокий пучок.

Она тоже это замечает. Тянется к заколке. Тяжёлые волнистые пряди рассыпаются по моим плечам.
Она тут же откидывает их мне за спину.

Ее взгляд мечется между мной и отражением, сравнивая, подмечая изъяны.

Мягкие ухоженные ладони поправляют на мне дорогое бюстье, подтягивая лямки. Затем ладони соскальзывают на мою грудь, приглаживая кружево.

Неожиданно на приподнимает мою грудь, словно взвешивая.

Сердце часто-часто бьётся в груди. Пульс бьёт в виски.

Делаю судорожный вдох.

- Хм, - женщина хмурит идеальные брови, - маловато...

Щеки вспыхивают. Стыд острым ножом режет сердце.

Опускаю взгляд вниз.

Холеные ладони оглаживают мою грудь и неожиданно сжимают.

- Ох, - не могу удержать удивлённо вздоха.

- Пойдет, - она продолжает мять мою грудь, мысленно делая одной ей известные выводы.

Я снова перевожу взгляд в зеркало. Мое стройное тело упаковано в дорогое белье темно-бордового цвета. Итальянское кружево ручной работы ласкает кожу. У меня никогда не было и не будет возможности купить такое.

- С размером я угадала, - скорее себе говорит женщина. — Хорошо, что купила заранее...

Она практически силой разворачивает меня к себе лицом. Встречаюсь с внимательным черным взглядом.

К своему удивлению не нахожу в нем ни раскаянья, ни сожаления. Ничего, что могло бы оправдать ее. Только холодный расчет.

Она поправляет на своей пышной груди кашемировое платье.

- Милана Валерьевна... - шепчу я.

Голос не слышится. Руки дрожать мелкой дрожью. Несмотря на теплый, подогреваемый пол и комфортную температуру в ванной комнате, меня трясет словно в лихорадке.

И с каждой минутой дрожь становится сильнее. Уже начинают стучать зубы. Внутри все сжимается. - Заткнись, - резко обрывает она меня. - Слушай и запоминай: делай все, что он захочет, любое его желание. И молчи, не дай тебе бог, открыть свой рот, поняла.

Неуверенно киваю в ответ.

- Я буду ждать тебя здесь, прямо за дверью, - она кивком указывает на белоснежную дверь, что ведёт из огромной ванной комнаты в смежную спальню. - Как только закончите, сразу уйдешь.

Я перевожу растерянный взгляд с одной двери на другую, стараясь понять то, что говорит мне женщина.

- Поняла? - строго спрашивает она.

Снова киваю.

- Что? – наконец женщина замечает мою дрожь. – Что такое?

- Я... - густо краснею.

- Ну? – она злиться.

- У меня это первый раз... - опускаю взгляд в пол и заканчиваю фразу уже шепотом. Чувствую, как щеки заливают румянцем.

- Хм, - она удивленно хмыкает. – Это приятный сюрприз. Маленький бонус для Марата... Азатовича. Не беспокойся, я выбью тебе за это дополнительную премию.

Я поднимаю на эту ухоженную еще довольно молодую женщину взгляд и поражаюсь ее циничности и бессердечно-

сти.

- Что еще? – она начинает выходить из себя.

- Прошу... я не хочу, - смотрю ей прямо в глаза, стараясь вымолить себе отсрочку, помилование. Я не хочу ложиться под первого встречного, пусть он и оказался молодым, сексуальным миллионером. Я не хочу продавать себя, свою невинность. В глазах собираются слезы.

Я берегла себя для кого-то особенного, кого полюблю всем сердцем.

- Велика ценность, - презрительно выплевывает она. – Я вообще никогда ТАКИМ сокровищем не дорожила.

Сглатываю горькую слюну. Да, жаль только мы с отцом поздно об этом узнали...

- У тебя контракт, - строго напоминает она.

- А если он... - голос не слушается, опускаю глаза в пол.

-Что? - нетерпеливо спрашивает она.

- Ну если он захочет чего-нибудь еще..? – мой язык не поворачивается сказать про минет.

- Не захочет, - отмахивается от меня женщина.

- Но...

- Маша, успокойся! Для ЭТОГО он найдет более опытную девушку, - слышу в ее голосе насмешку.

Новая волна страха и паники накатывает на меня, накрывая с головой. Судорожно вдыхаю. Тело начинает бить крупной дрожью.

Что я делаю? Боже, помоги мне! Неужели нет другого вы-

хода?

- Подожди, - женщина хватается меня за руку и разворачивает к себе.

В ее руке появляется небольшой флакон с дорогими духами. Ароматное облако окутывает меня.

- Вот теперь идём.

Мы останавливаемся около белоснежной двери с позолоченной ручкой.
Милана Валерьевна отстаёт от меня на шаг, обнимает со спины за плечи и наклоняется к самому уху.

- И последнее, Маша. Марат Азатович любит, когда девушки ведут себя смело, берут инициативу в свои руки. От сегодняшней ночи многое зависит для тебя лично. И твоего отца, - последнее она практически выплевывает.

Дверь с тихим щелчком открывается, и женщина выталкивает меня в хозяйскую спальню.

Огромная комната, в центре которой располагается королевских размеров кровать. Приглушенный свет двух ламп на тумбах мягко обволакивает часть комнаты, не в силах рассеять сумрак по углам и добраться до хозяйской кровати.

Я не вижу его, но чувствую его присутствие, его заинтересованный жадный взгляд, что скользит по моему полуобнаженному телу.

- Иди сюда, - вздрагиваю от глубокого хриплого баритона.

- Я устал ждать.

Он не просит, он приказывает. Я всем своим существом

чувствую, что неповиновение будет жестоко наказано.

Сердце бешено стучит, гулко ударяясь о ребра. Вдоль позвоночника прокатывается волна из мурашек, а следом стекает ледяная капля пота.

Дверь в ванную за моей спиной с тихим щелчком закрывается. Пути назад нет...

Часть I Глава 1

Глава 1 *месяц назад*

«Никакого макияжа. Никаких укладок или распущенных волос. Только хвост или строгий пучок. Темная юбка и белоснежная блузка. Туфли без каблука. Поняла?»

В сотый раз прокручиваю в голове разговор с родной матерью.

И каждый раз разочарование и обида волнами накатывают на меня.

Она меня не видела несколько лет. Много лет, если быть точной. Десять? Двенадцать?

Но даже не удосужилась узнать, как у нас дела. Ей всегда было плевать. Вот только мы с отцом обманывали себя, выгораживая ее друг перед другом.

А потом ей просто надоело притворяться...

Долго и придирчиво рассматриваю себя в зеркале. Длинные каштановые волосы собраны в высокий пучок. Волосок к волоску.

Дорогая, но уже старенькая блуза застегнута под горло.

Нежно поглаживаю перламутровые пуговицы. Это папин подарок перед...

В ней я писала ЕГЭ, в ней получала школьный аттестат, в ней ходила на лекции... когда они были в моей жизни...

А потом все как-то резко покатилося под откос, а следом неся целый бронепоезд проблем, несбывшихся мечтаний и ужасающих реалий.

Закусываю губу и вскидываю голову, часто-часто моргаю, заставляя набежавшие слезы исчезнуть.

Сейчас не время для старых воспоминаний и слез. Поплачу ночью, как делаю всегда. Сейчас у меня нет на это права.

- Куда ты собралась? – в комнату медленно неуверенным шагом входит отец.

- Папа, зачем ты встал? – бросаюсь ему на помощь.

Вместе мы доходим до кресла.

Он тяжело опускается на продавленное сиденье. Шумно дышит. Ему требуется несколько минут, чтобы отдышаться.

- Куда? – хрипит он.

Молчать бесполезно, он не отстанет.

Врать я не умею, но правда ему не понравится.

- На собеседование, - отвожу глаза. Это не совсем правда, хотя я и сама не знаю, куда и за чем иду.

После того, как мне озвучили сумму, необходимую для папиной операции, я не придумала ничего лучше, чем позвонить ей.

Она не может быть бессердечным монстром, не сможет отвернуться от мужа, пусть и бывшего. Она должна помочь, хотя бы выслушать.

Я не смотрю на него, но и так чувствую его осуждение. Хотя он не хуже меня знает, что у нас просто нет другого

выхода.

- Машенька, - голос отца слаб. – Не стоит.

- Нет, - стараюсь говорить твердо. – Я не дам тебе умереть.

Слезы брызгают из глаз, я бросаюсь ему на шею. Зарываюсь лицом в его старенькой фланелевой рубаше.

- Тише, тише, котенок, - его худая сухая ладонь гладит меня по плечам.

- Я найду деньги, пап, - грудь резко сжимает в тиски, острая боль расплзается внутри. Губы дрожат, а на ресницах повисают соленые капли.

- Ты не будешь высыпаться, у тебя не останется сил на университет.

Вздрагиваю и судорожно вхлипываю.

- Маш... - ослабевшими руками он пытается отнять меня от своей груди. – Что с учебой?

Он слишком хорошо меня знает.

- Все будет хорошо, папочка, - тараторю я. – Это временно. Я найду деньги на твоё лечение. Ты поправишься, а потом я вернусь в университет, хорошо?

Замираю с открытым ртом.

Мои глаза с каждой секундой округляются все больше.

Прямо передо мной раскинулось огромное здание. Десятки этажей, мраморные колонны, гранитные лестницы. Камень, металл и стекло. Много стекла.

У входа охрана в строгих костюмах.

На парковке целый автопарк дорогих иномарок. Полированные бока, обтекаемые формы. Такие машины просто не могут стоять дешево.

Перезожаю взгляд на центральный вход. «Nabiev *building company*» - гласит огромная вывеска.

Судорожно роюсь в кармане, ища клочок бумаги с адресом, который продиктовала мне мать.

Все верно, проспект Маяковского девяносто А.

Неужели компания, в которой она работает, снимает здесь офис?

Поправляю строгую юбку. Делаю глубокий вдох и поднимаюсь по лестнице.

Сердце грохочет в груди. Внутри нарастает волнение. Ладони покрываются холодной испариной.

- Вам назначено? – вход мне преграждает охранник.

Сейчас все решится: она решила поговорить со мной, или избавиться, назвав неверный адрес? В любом случае сейчас я точно это узнаю.

- Я к Милане Валерьевне, - голос дрожит. Внутреннее напряжение достигает своего предела.

Если этот огромный мужчина скажет, что такой женщины в здании нет, я разрыдаюсь прямо здесь, на ступеньках.

- Проходите, пожалуйста, - он подается вперед, подхватывает массивную полированную ручку и распахивает передо мной дверь.

Я проскальзываю внутрь, успев заметить в его глазах странную смесь из уважения, преклонения и страха.

С девушками на ресепшине происходит что-то подобное. Они дружно переводят на меня удивленные взгляды.

- Вы уверены, что она вас ждет?

- Вам назначено?

- Мы не получали никаких указаний на вас счет.

Тараторят они наперебой.

Теперь мне кажется, что все это какой-то глупый розыгрыш.

- Просто скажите мне, где я могу ее найти.

- Минутку, - наконец отмирает одна.

Она подхватывает телефонную трубку и набирает номер.

- Милана Валерьевна, - ее голос едва уловимо дрожит. –

Внизу стоит девушка, она настаивает, что ей назначено...
Что?

- Как вас зовут? – девушка отрывается от трубки и бледнеет.

- Маша.

Она хмурится.

- Ваше полное имя, - шипит она, прикрыв трубку ладонью.

- Мария Доронина.

Как по волшебству лица трех девушек вытягиваются, глаза наполняются священным ужасом.

- Мария Доронина, - эхом повторяет девушка в трубку. Судорожно кивает тому, что слышит в ответ. – Проходите.

Пятнадцатый этаж. Вас встретят.

Господи, что это за дурдом?

Лифт быстро доставляет меня на нужный этаж. Не успевают двери разъехаться в стороны, как меня ослепляет яркое солнце, заливающее длинный коридор.

- Пойдемте, она ждет вас, - молодая девушка строгим офисном платье привлекает мое внимание.

Несколько поворотов и мы на месте. Высокие двери из матового стекла. Вывеска гласит «Милана Валерьевна Дорони-на – заместитель руководителя».

Значит, она не сменила фамилию. Удивительно!

Двери беззвучно открываются передо мной. Небольшая приемная, в которой место за столом сразу занимает встретившая меня девушка. И двери в ее кабинет.

Сжимаю дрожащие руки в кулаки и прерывисто стучу.

Толкаю дверь, не дожидаясь ответа.

- Зачем ты пришла? – слышу резкий нетерпеливый голос.

- Здравствуй, Милана Валерьевна, - назвать ее мамой у меня не поворачивается язык.

Вижу перед собой ухоженную, дорого одетую женщину.

Темно-каштановые волосы уложены идеальными волнами.

Правильной формы брови презрительно вздернуты.

Черные глаза прожигают меня насквозь.

Съеживаюсь на кресле, но не отвожу взгляд.

Я ее знаю. Она не терпит слабость.

Пухлые алые губы язвительно улыбаются.

Ей не дашь и сорока. Хотя она старше.

Ярко алые длинные ногти неторопливо постукивают по столешнице.

- Так зачем ты пришла? – она откидывается в кресле.

Делаю глубокий вдох, стараясь подавить раздражение.

- Я же рассказал. Папа болен. Ему нужна срочная операция. Иначе время будет упущено, - делаю судорожный вдох, стараясь успокоиться.

Не хватало только разрыдаться в ее кабинете.

- При чем тут я? – она переводит скучающий взгляд в окно.

- Ты... - я задыхаюсь. Ты не можешь быть такой сволочью! В тебе же должно остаться хоть что-то человеческое.

- Вы же с твоим отцом не думали, что я подарю вам необходимую сумму, нет? – она смотрит на меня в упор холодным расчетливым взглядом.

- Но..но.. он твой муж, - внутри меня все дрожит от разочарования и обиды.

- Бывший! Господе, - она заливается злым звонким смехом. – Вы действительно на это рассчитывали!

Закусываю губу, сжимаю ладони в кулаки. Ногти больно впиваются в кожу.

- Он ничего не знает. Я сама решила прийти к тебе. Он бы не пустил меня.

- Слава богу! - резко обрывает она смех. – А то я уже по-

думала, что совсем из ума выжил.

Я не в силах пошевелиться. Смотрю на эту роскошную женщину и не верю, что когда-то она была моей матерью.

Хотя и тогда она отличалась взбалмошностью, тяжелым характером и непомерными амбициями. Ах, да. И отсутствием совести.

- Ну если на этом все... - она не заканчивает предложение, итак все ясно. Ее красноречивый взгляд указывает мне на дверь. Аудиенция закончена.

Я лишь крепче сжимаю кулаки, вызывая новую порцию боли. За все время нашего разговора я их не разжимала. Не то...

Медленно поднимаюсь с кресла, разворачиваюсь и иду к двери. Идеально ровная спина, никакой суеты или истерик. Нет, ей так не повезет. Она не увидит моего отчаянья.

Часть I Глава 2

Едва я касаюсь холодного металла ручки, как дверь отлетает в сторону, практически снося меня к стене.

Следом, широко шагая, входит высокий крепкий мужчина.

Я не успеваю его рассмотреть, но чувствую силу и мощь, исходящие от него волнами.

Большой кабинет вдруг становится непозволительно маленьким, едва вмещаая в себя крепкую нестигаемую фигуру.

Меня обдает терпким запахом дорогих духов и горьковатым ароматом табака.

Невольно слежу за ним взглядом. Очень высокий, я едва достану ему до плеча. Дорогой костюм не в силах скрыть бугрящиеся мускулы.

Мужчина подходит к столу Миланы и тяжело опирается огромными ручищами о столешницу.

Успеваю заметить на ее лице пробежавший судорогой страх. Надо отдать ей должное, она быстро берет себя в руки.

- Марат Азатович, - ее пухлые алые губы расплзаются в лучезарной улыбке.

- Ты сделала, что я просил? – без предисловий гремит мужчина.

Вздрагиваю от звука его голоса. Низкий, раскатистый, пробирающий до костей.

Дрожь волной проходит по телу, замирая на кончиках пальцев.

- Я работаю над этим, - голос Миланы становится мурчащим, вкрадчивым. – Может, кофе, Марат...

- К черту кофе, - рычит он.

- Все будет. Я веду переговоры сразу с тремя агентствами по набору персонала.

- Милана, не играй со мной!

От его грозного рыка втягиваю голову в плечи и делаю шаг назад.

Куда я попала? Этот разговор вообще не предназначен для моих ушей. Почему я еще здесь?

Еще шаг. Задеваю бедром распахнутую дверь, и она громко ударяется в стену.

Замираю, пригвожденная к месту двумя яростными взглядами.

И если карие глаза матери мечут молнии, а губы складываются в досадливую гримасу.

То взгляд незнакомца пробирает меня насквозь.

Делаю судорожный вдох.

Взгляд темных, почти черных глаз словно щупальце глубоководного монстра скользит по мне. Проходит по моему лицу, опускается на шею, грудь. Его кадык дергается.

А я готова потерять сознание от страха.

Между нами не меньше десяти метров, но я отчетливо ощущаю на коже его взгляд. Слово мужчины гладит меня

рукой.

Шероховатый, тяжелый, оглаживающий каждую линию моего тела.

Сердце часто-часто бьется в груди. В ушах шумит кровь. Что со мной происходит?

Облизываю пересохшие губы.

Темный взгляд моментально возвращается к моему лицу. Я хочу отвести взгляд, но не могу.

Он гипнотизирует меня, не отпускает. Тону в черных омутах, подхваченная его силой, властью и зарождающимся интересом.

Вздрагиваю от демонстративного покашливания Миланы Валерьевны.

Мужчина морщится.

- Кто это? – его вопрос обращен к Милане, а взгляд ко мне.

Меня сковывает тонкой коркой страха.

- Марат Азатович, - подскакивает к мужчине мать. – Это как раз ваша новая горничная. Приходила на собеседование.

- Да? – слышу в хриловатом басы интерес. А в глазах холодную решимость.

- Да, у нее отличные рекомендации. Думаю, к концу следующей недели она сможет приступить.

- Сегодня!

- Но...

Я расширенными от ужаса глаза наблюдаю эту сцену. Это сон, кошмар! Все это происходит не со мной!

– Я был сегодня в доме. Кроме пенсионера-охранника и криворукой поварихи там никого нет! Через две недели я устраиваю очень важный ужин.

Милана Валерьевна подхватывает планер.

- Я уже заказала «Парадиз».

- К черту «Парадиз». Прием будет у меня в доме.

- Но...

- Губернатор – очень консервативный человек, проповедующий семейные ценности. Ходит везде с женой и любит домашнюю кухню. Твоя задача – чтобы мой дом произвел на него хорошее впечатление. Для следующей сделки мне нужно его одобрение.

- Так, так, - мать откидывает хорошо отрепетированным жестом волосы за спину. – Мы найдем клининговую компанию и кейтеринговую...

- Никакой привозной еды. Найди лучшего повара. Если надо, из-под земли достань! – мужчина даже не слушает то, что говорит ему мать.

- Я...

- У тебя времени до выходных! – резко бросает мужчина и выходит из кабинета, громко хлопнув дверью.

Перевожу взгляд на календарь на стене. Сегодня среда. Да, Милана Валерьевна, ты попала!

- Ты все слышала? – резко отворачивается от меня мать, стараясь скрыть волнение.

- Но я уже работаю...

- И кем же? – она поворачивается, обжигая меня ненавистным взглядом. – Посудомойкой? Проституткой?

Я вспыхиваю.

- Я - официант.

- Ерунда, – презрительно фыркает она. – Ты пришла ко мне за деньгами, так – заработай!

- Но горничная... - я растерянно смотрю на свою мать, которая всем своим видом показывает, что этот разговор ей наскучил.

- А что ты хотела? – зло цедит она. – Два курса непрестижного вуза. Кем ты еще можешь работать кроме уборщицы?

- За папой нужен присмотр, - выдаю свой последний аргумент.

- Не проблема, - категорично заявляет она. – Через час у вас будет сиделка. И так уж и быть я оплачу ее... в этом месяце.

- Почему же если ты так быстро можешь найти сиделку, не можешь найти для своего хозяина горничную? – внутри вскипает злость. Острые ногти, впившиеся в ладонь, больше не охлаждают мой пыл.

- Потому что твой отец – умирающий инженер без гроша в кармане. А мой начальник – миллионер, воротила строительного бизнеса. Разницу чувствуешь?

Разворачиваюсь на пятках. Сердце гулко бьется о ребра. Сволочь! Как я могла надеяться на ее помощь?

- Мария! – несется мне в след с нажимом. – Не вздумай

меня подставить. Иначе я ТАК позабочусь об Андрее, что его даже на кладбище не примут, не то что в онкологическом центре.

Замираю у входа.

- Я заеду за тобой через два часа. Будь готова.

Она не обманула. Едва я добралась до дома, как явилась сиделка. Женщина средних лет, в чистом медицинском костюме, излучающая уверенность и спокойствие.

- Ни о чем не переживайте, - она по-матерински похлопывает меня по руке. - Я записала ваш номер, отзвонюсь вечером.

- Вечером? - с тревогой поглядываю на отца. - Я пока не знаю, во сколько вернусь, вы меня дождетесь?

- Мария Андреевна, - голос сиделки понижается. Ее озабоченный взгляд мечется между мной и отцом. - У меня круглосуточная работа с плавающим выходным.

- Что? - я не улавливаю сути.

- В моем договоре сделан упор на необходимость присмотра за Андреем Сергеевичем и ночью.

- Не понимаю, - я действительно не понимаю, зачем нам сиделка ночью.

- Мария Андреевна, вы знаете, где живет Марат Азатович?

- Нет еще...

- Господин Набиев живет в элитном коттеджном поселке, за городом.

- Но я... - смотрю на хмурого отца и едва сдерживаю слезы.

- Обычно прислуга проживает в доме хозяина. В город выезжает только в свой выходной.

Почему мне не сказала об этом Милана?

Срываюсь к телефону, нажимаю кнопку вызова. Она же знает, как плохо отцу! Я не могу его бросить сейчас!

- Ты готова? – холодный голос в трубке словно ведро ледяной воды окатывает меня с ног до головы. Моментально вспоминаю ее злые слова: «Не вздумай меня подставить. Иначе я ТАК позабочусь об Андрее, что его даже на кладбище не примут, не то что в онкологическом центре».

Обреченно выдыхаю, отворачиваясь от папы.

- Готова, когда ты будешь?

- Спускайся, - резко бросает она и скидывает вызов.

Подхватываю небольшую сумку с вещами и бросаюсь папе на шею.

- Все будет хорошо, папуль, - не могу сдержать слез. Два тоненьких соленых ручейка бегут по щекам. – Я заработаю денег и ты поправишься...

Рыдания душат меня. Зарываюсь лицом в мягкую ткань его рубашки.

- Маша, солнышко, останься. Оно того не стоит, - и так слабый голос отца дрожит. – Операция мне уже не поможет...

- Не говори так! - вскидываю заплаканное лицо. – Доктор

сказал, что обязательно поможет!

Он сказал, что должна помочь, если мы успеем как можно раньше. Но еще надо собрать кучу дорогостоящих анализов. Времени мало, как и шансов. Вот примерно, что он сказал. Но папе знать об этом необязательно.

- Приглядите за ним, - смахиваю ребром ладони слезы, обращаясь к сиделке. – Пожалуйста.

Она понимающе кивает. А я выскакиваю за дверь. Сердце сжимается. Дыхание перехватывает.

Я в лепешку расшибусь. Буду работать и день, и ночь, лишь бы заработать необходимые деньги!

Ох, если бы я только знала, куда заведет меня такое рвение к ночной работе.

У Миланы Валерьевны дорогая сочно-красная иномарка, ярким пятном выделяющаяся на фоне серости и уныния хрущевского двора.

Вдохнув полной грудью, тяну ручку.

Она даже не поворачивается в мою сторону. Едва успеваю пристегнуться, как она переключает рычаг передач и рвет с места.

Сколько мы едем по серым улицам, пустынным районам и мокрому осеннему лесу не знаю. Мне кажется бесконечно.

Она не говорит со мной, не задает вопросов.

Мне все равно. У нас уже очень давно нет ничего общего. Примерно лет десять-двенадцать.

В памяти всплывает морозное зимнее утро, свежеснежав-

ший снег и слепящее солнце. Мы с папой задержались на прогулке, а когда пришли - ее не было. Вышла за продуктами?

Следующий кадр - плачущий над клочком бумаги отец. Она ушла. Ей не хватило смелости попрощаться лично, лишь записка.

- Приехали! – женский голос вырывает меня из дремоты. Моргаю глазами, силясь понять, где я.

Вокруг словно другая страна, другой мир.

Роскошные особняки с ярко-зелеными газонами. И это в конце октября!

Идеальные чистые проезды между домами. Мощенные камнем дорожки.

А позади этого великолепия возвышается суровый и прекрасный сосновый бор.

- Чего застыла? Я не собираюсь торчать тут вечность, - она злиться, кутаясь в коротенькое меховое манто.

Подхватываю сумку и иду за ней. Она ведет меня к самому роскошному особняку на этой улице. Три этажа, красный кирпич, черепица, кованые перила и балконы. Огромная территория.

Милана распахивает дверь, словно она здесь хозяйка. Хотя, может, я чего-то и не знаю.

- Чего встала? Идем! – приказывает она, заметив, что я собираюсь снимать обувь.

Сама же она в манто и ботильонах, цокая высокими каб-

дуками, поднимается по лестнице.

Стараюсь не отставать.

- У меня нет времени все тебе показывать. Ты здесь не в гостях, - она не останавливается ни на минуту. Лишь изящными жестами указывает то в одну, то в другую сторону. – Здесь комнаты Марата Азатовича: спальня, кабинет, библиотека. Дальше комнаты для гостей. И моя комната.

- Ты живешь с ним? – я не успеваю подумать, как вопрос срывается с языка.

Мать резко разворачивается и меряет меня долгим изучающим взглядом.

- Я его личная помощница и заместитель. Без меня он и носки не найдет, - шипит она. – Ясно?

- Предельно, - сдержанно киваю.

- Отлично. Твоя комната на третьем этаже. Разберешься. А у меня много дел, - даже не взглянув больше на меня, Милана скрывается за темной дубовой дверью.

Моя комната...

Моя комната прекрасна. Она небольшая, светлая, уютная.

Простая односпальная кровать пахнет новой мебелью. Она даже не застелена. Подушка с одеялом аккуратной стопкой лежат сверху. Постельное белье лежит на тумбочке.

В нише скрывается платяной шкаф, небольшой, но мне много даже его.

Скидываю старые кроссовки и куртку и подхожу к окну.

Потрясающий вид на внутренний двор с ухоженными ку-

стами и петляющими дорожками. За высоким забором темнеет сосновый бор.

Открываю окно и вдыхаю полной грудью холодный свежий воздух. Щемящая боль в груди и тревога понемногу отпускают меня.

Это всего лишь работа, и она не навсегда.

Главное, чтобы платили хорошо, а я постараюсь не попасть на глаза хозяину. И все будет хорошо.

Невольно вспоминаются темные, почти черные задумчивые глаза. Тяжелый, заинтересованный взгляд. Вздрагиваю, мороз пробегает по коже, словно мужчина снова рядом.

Оглядываюсь. Нет, в комнате я одна.

На глаза попадается черное строгое платье с белоснежным передником и кожаные балетки без каблуков – моя униформа.

Маша, хватит витать в облаках. Ты пришла сюда, чтобы работать!

Часть I Глава 3

- Кажется, у вас что-то горит! - говорю пожилой женщине, что бестолково суетиться на кухне.

Морщусь от резкого запаха гари.

За несколько дней, что я живу здесь, понимаю, что кухарка из нее никакая.

- Господи, - Антонина Леонидовна взмахивает руками и бросается к духовому шкафу.

Поздно. Ужин безнадежно испорчен. На противне лежат порядком обгоревшие кусочки картошки и мяса.

- Что делать? Что же делать? – причитает женщина.

- Я могу помочь?

Она смотрит на меня с сомнением.

- Только если приготовишь новый ужин, - она переводит взгляд на часы, - за час!

Оглядываюсь в поисках кухонного фартука.

- Приготовлю!

Ровно через час на столе стоят два салата, картофельная запеканка и жаренное с травами мясо.

Мы с Антониной Леонидовной подхватываем подносы и спешим в столовую.

Полотенце порхает в моих руках, доводя тарелки до совершенства. Кухарка помогает мне правильно разложить приборы. Боже, зачем их столько?

Раскладываю салаты и замираю.

По спине пробегают мурашки. Легкие неожиданно начинают гореть от нехватки воздуха. И снова появляется странное ощущение чьего-то незримого прикосновения к моей коже.

Сначала открытая шея, лопатки, легкое касание взглядом талии и бедер.

За взглядом следует обжигающе горячая волна. Это он!

Вспыхиваю словно свечка. Щеки заливаются румянцем. Я хочу сбежать, но ноги словно приросли к полу.

В комнате воцаряется идеальная тишина. Сглатываю.

Кухарка судорожно приседает, что-то бурчит и неуклюже пятится к выходу.

В столовую всплывает Милана в вечернем платье. Она времени зря не теряла.

Ее каштановые волосы уложены в высокую ракушку, на лице яркий макияж, а стройное тело обтягивает темно-синее платье.

- Свободна, - небрежным жестом она отпускает меня.

Я опускаю взгляд вниз, лишь бы не встречаться с грозными и манящими черными глазами хозяина. Сама не знаю, чего боюсь больше: его властности или его интереса ко мне? А в том, что он есть, я почти уверена.

Торопливо бегу к выходу из столовой.

- Останься, - гремит короткий приказ. Замираю.

Зачем? Что я уже успела натворить? Быстро перевожу

взгляд на Милану. Она с безразличным видом потягивает вино.

- Мария, - гремит голос хозяина, – раскладывайте ужин.

Закусываю губу и пытаюсь аккуратно разложить картофель и мясо по тарелкам.

Выходит плохо. От страха дрожат руки. Щипцы для мяса соскальзывают, роняя стейк обратно на блюдо. Веер маслянисто-пряных брызг художественно ложится на скатерть.

- Мария! – строго одергивает меня Милана.

Дышу урывками. В глазах темнеет, а кровь шумит в ушах.

Крепче сжимаю щипцы, но от этого они только сильнее дрожат.

Не успеваю подхватить кусок мяса, как на мою руку ложится тяжелая мужская рука.

Вскрикиваю от неожиданности.

- Простите, - шепчу едва слышно.

- Достаточно, - говорит хозяин. Его голос гремит, но в нем нет ни угрозы, ни злости.

Длинные пальцы быстро и практически невесомо скользят по моей руке, выхватывают щипцы.

Он сам накладывает мясо себе и Милане.

А я стою на месте, не смея пошевелиться.

Кожа, которой он касался, горит огнем. От пальчиков, через кисть, предплечье и плечо к самому сердцу несутся десятки, нет, сотни электрических импульсов.

- Мария, - женский голос заставляет меня вздрогнуть. –

Не стой у стола. Твое место позади хозяина.

Я киваю и быстро отхожу.

Ужин продолжается. Марат Азатович... Какое странное имя. Кто он? Дагестанец? Азербайджанец? Татарин?

Милана и хозяин говорят о работе и только о работе. Никакого кокетства, никаких ухаживаний. Хотя я очень сомневаюсь, что такой человек, как Набиев умеет ухаживать.

Поэтому вечернее платье и макияж Миланы выглядят крайне странно и неуместно. Но что я знаю о ней?

- Чем приправлено это мясо? – хриплый бас вырывает меня от размышлений. – Кинза?

- Это чеснок и розмарин, - тихо отвечаю хозяину. И только после этого замечаю удивленно вскинутые брови матери.

Черт! Вопрос был адресован не мне!

Я не должна была лезть в хозяйский разговор.

С тревогой смотрю на массивную шею и широкую спину хозяина. Под белоснежной рубашкой напрягаются натруженные мышцы, натягивая ткань. Неторопливо он крутит между пальцами вилку.

- Мария, позовите кухарку.

Я вылетаю из столовой и несусь на кухню.

Едва успеваю сказать кухарке, что ее зовет хозяин, как вижу панический ужас на ее лице.

- Вот так помощь, - ворчит она и несется впереди меня в столовую.

- Антонина Леонидовна, - нас встречает властный ледя-

ной голос хозяина. – Сегодня вам удалось меня удивить.

Женщина молчит.

Марат Азатович не смотрит на нас, продолжая крутить между пальцами вилку. Милана откидывается на стуле и смакует вино.

- Вы сегодня превзошли себя. Картофель в меру пикантный, а мясо тает во рту.

Он переводит взгляд на кухарку. Та кивает в ответ.

- Признайтесь, вы где-то заказали ужин? – его темные глаза сужаются.

Власть и сила волнами расходятся от мужчины. Я не решилась бы ему лгать.

- Что вы, Марат Азатович? - кудахчет кухарка. - Я все сама, все сама.

- Отлично, - хозяин расслабляется, накалывает на вилку кусочек мяса и отправляет в рот. – Божественно. Чем вы его приправляли?

- Как всегда, - голос женщины едва уловимо дрожит, – хмели-сунели.

Огромный кулак обрушивается на стол.

Столовая посуда и приборы жалобно звенят.

Вздрагиваю, втягивая голову в плечи.

- Черта с два! Это чеснок и розмарин! Я не терплю, когда мне лгут, ясно? – в грубом голосе отчетливо слышится раздражение.

Молча киваю головой, не смея поднять глаза.

Милана едва заметно улыбается. В ее глазах отражается удовлетворение.

- Это всем ясно? – низкий раскатистый рык заставляет всех вздрогнуть.

- Да, - в унисон отвечаем мы с кухаркой.

- Милана? – замечаю, как недобро горят глаза хозяина, когда он переводит их на мою мать.

- Я? Да, конечно, - улыбка моментально слетает с ее губ.

- Отлично, - Марат Азатович поворачивается к нам. – За ложь положено наказание. Ты – уволена!

Делаю судорожный вдох. Сердце болезненно сжимается в груди. Поднимаю взгляд и замираю.

Черные бездонные глаза смотрят на меня. Оценивают, следят за моей реакцией.

Распахиваю глаза. Секунду не могу понять, кто я, где я и что мне надо делать? Куда бежать?

Рывком сажусь в постели.

Небольшая светлая комната. Через шторы проскальзывает лучик скупого осеннего солнышка.

Поворачиваю голову из стороны в сторону, стараясь сбросить видения.

Вспоминаю вчерашний вечер: ужин, увольнение кухарки и тяжелый взгляд черных глаз.

Подскакиваю и несусь в ванную.

Солнце! За окном уже встало солнце! Я проспала!

На весь марафет у меня уходит не более двадцати минут. На ходу затягиваю волосы в высокий хвост и приглаживаю закрытое черное платье ниже колен.

Очень быстро перескакиваю со ступеньки на ступеньку, при этом стараясь не шуметь.

Дом встречает меня гробовой тишиной. Абсолютной и полной.

Отваживаюсь постучать к Милане. Несмелые удары моего кулака о дверь тяжелым эхом разносятся по большому дому.

Резко оглядываюсь на ЕГО комнаты. Но все по-прежнему тихо.

Стучу еще раз, смелее. Эффект тот же.

Дергаю ручку.

- Можно? – слова застревают у меня в горле от роскоши и беспорядка.

В комнате хозяина и Миланы я еще не была.

Несколько дней мы с Антониной Леонидовной старались навести порядок в домике для прислуги, где после окончания стройки этого великолепного дома валялся весь рабочий инвентарь.

Захожу в комнату. Королевских размеров кровать оставлена в беспорядке, ночная сорочка мятой тряпкой валяется на полу. На тумбочке рассыпаны украшения. Огромный шкаф, размером со всю нашу с папой хрущевку, распахнут. Внутри творится форменный ад.

Отдергиваю тяжелые портьеры.

Вздыхаю. Милана никогда не отличалась аккуратностью.

Откуда ей взяться теперь?

Подхватываю разбросанные вещи и закидываю их в большую корзину. Все, что было на полу, отправляю в стирку. Остальное быстро раскидываю по полкам. Наведением идеального порядка займусь позже.

Примерно то же самое ждет меня и в ванной. Плюс грязные разводы на раковине и длинные волосы в сливе.

Я быстро заканчиваю с комнатой матери и двигаюсь к ЕГО комнате.

Несмело поднимаю руку. Пульс бьет по вискам. Стучу и замираю. Страх и странное предвкушение сковывают меня.

Ответа нет.

Я стучу громче. Сжимаясь внутренне, боясь и надеясь, что услышу раскатистый бас.

Ответа нет.

Толкаю дверь.

Пусто.

Его комната разительно отличается от комнаты матери.

Светло-серые стены. Темная, добротная мебель, способная выдержать вес его массивного тела. Быстро пробегаюсь взглядом по шкафу, тумбами и огромной кровати. Никаких лишних аксессуаров, только самое необходимое.

На фоне роскоши и богатства остальных комнат спальня хозяина выглядит аскетично.

Нет, не дешево. Я уверена, что массивная кровать темного дерева с полированными резным изголовьем стоит целое состояние.

На удивление она заправлена. Пусть не идеально, но все же.

Распахиваю тяжелые шторы и приступаю к уборке.

Прохожусь тряпкой по всем поверхностям и замираю, услышав шорох под ногами.

На мягком ковре валяется смятая тысячная купюра, наверное, выпала. Поднимаю ее и кладу на комод.

Подхватываю с кресла вчерашнюю рубашку и замечаю рассыпанные по сиденью монеты. Сгребаю их и раскладываю на комоде.

По ходу уборки по комнате то тут, то там натыкаюсь на разные мелочи и мятые купюры: золотые запонки, закладки для галстука, пятьсот рублей, тысяча, две.

Собираю вещи по полу, извлекаю из-под ковра и тумбочек.

Складываю все в передник и несу к комоду.

Надо же, как богатые люди не замечают пропажи дорогих по сути вещей. словно это пустяк, мусор.

Странно. Набиев оставил после себя впечатление внимательного к деталям человека, хваткого, не желающего разбрасываться своим, даже в мелочах...

Останавливаюсь как вкопанная. Отвратительная догадка пронзает меня.

Марат Азатович по своей сути очень внимательный, педантичный человек. Чтобы это понять, не обязательно близко знать его. Стоит только увидеть его спальню.

Резко оборачиваюсь и обвожу комнату внимательным взглядом. Везде чисто. Нет ни брошенных носков, ни галстуков, ни ремней.

Горько усмехаюсь про себя.

Отвращение и обида обжигают меня, горечью разливаясь в груди.

Это проверка! Мерзкая, грубая, оскорбительная проверка!

Он специально разбросал эти вещи, желая узнать, падка ли я до «бесхозного».

Выкуси!

Первый мой порыв – обернуться в поисках камеры, а я уверена, что она есть, и показать туда средний палец!

Но здравый смысл успевает остановить меня!

Не надо, Маша. Мне нужна эта работа и деньги этого морального уроды тоже нужны!

Запихиваю гордость глубже и демонстративно раскладываю найденные богатства на комод. А после громко хлопаю дверью!

Часть I Глава 4

Вопреки ожиданиям ни в этот день, ни на следующий никто не приезжает. Совсем никто!

Возмущение и обида почти сутки кипят во мне, заставляя болезненно сжиматься сердце от разочарования.

Меня проверяли! И на чем? На монетках, золотых безделушках! Словно я цыганка, уличная шпана, поберушка...

У меня нет слов.

Завариваю себе крепкий кофе и почти залпом выпиваю его.

Остынь, Маша! Чего ты завелась? Из-за таких мелочей?

Внутренний голос пытается меня вразумить.

Но это не мелочи! Это... Я сама не знаю, что это и как это назвать!

Да, это проверка, но встань на его место.

Я не хочу!

И не смогу...

Ладно, хватит страдать ерундой. Пора приниматься за уборку. Огромный дом пуст и целиком на мне. Когда придет хозяин и новый штат прислуги, я не знаю. А до этого надо сделать по максимуму.

Выбор падает на библиотеку. Огромные стеллажи в потолок по трем стенам и их уже очень давно никто не протирает.

Достаю наушники и врубаю любимую музыку на смарт-

фоне.

Приставляю к стеллажу лестницу.

Прямая длинная юбка не дает мне поднять ногу. Не беда! Дома все равно никого нет. Подтягиваю юбку вверх, делая платье длинной мини и смело лезу наверх.

Зажигательный ритм помогает быстро включиться в работу. «Мохнатка» для пыли весело перепрыгивает с книги на книгу.

Начинаю подпевать сначала одними губами, а потом сама не замечаю, как держась одной рукой за лестницу, второй держу «мохнатку» вместо микрофона.

Бедра лихо описывают «восьмерку» в такт музыке.

Впервые за последние дни я забываю обо всем: о папиной болезни, о неожиданно вернувшейся в мою жизнь матери, о черных, пробирающих насквозь глазах...

Стоит подумать о них, как по коже разбегаются мурашки. Ощущение чужого жадного взгляда парализует меня.

Легкие покалывания от лодыжек ползут вверх, захватывая колени, бедра...

Вздрагиваю, ощущая совсем рядом с собой живое человеческое тепло. Кто-то стоит внизу за моей спиной. Оголенной кожи бедра касается обжигающее дыхание.

Паника накрывает меня с головой. Кто это и что ему от меня нужно? Вздрагиваю и начинаю терять равновесие.

Две крепкие сильные руки ложатся на мои ягодицы и воз-

вращают меня на место. Кожа моментально вспыхивает, заставляя кровь стремительно нестись по венам.

Вокруг разливается аура силы и властности. Сердце трепещет внутри с максимальной частотой.

Это ОН! Я уверена!

От осознания этого становится еще страшнее. Внутри нарастает тревога и непонятное волнение. Обжигающая волна устремляется вниз живота, вызывая странное томление.

Тем временем он не спешит убирать ладони. Нежно поглаживает мои ягодицы, сжимает их.

Отчего электрические импульсы бьют прямо не нервам.

Сердце ухает вниз, а после начинает бешено колотиться где-то в горле.

Стараюсь сглотнуть вязкую слюну.

Мужчина жадно вытягивает воздух и судорожно выдыхает его. Практически голой задницей чувствую обжигающее дыхание.

Он так близко, в каких-то миллиметрах от меня.

С трудом отрываю ногу от ступеньки и пытаюсь спуститься, но мужчина удерживает меня на месте.

Секунды растягиваются, время превращается в липкую массу, что затягивает нас.

Мощные ладони соскальзывают с ягодиц, оглаживая упругие бедра.

Тонкая ткань униформы, что разделяла нас, заканчивается и меня словно электрическим током бьет. Сильно, мощно.

но, остро.

Едва шершавые ладони касаются моей обнаженной кожи, вырисовывая замысловатые узоры, как по коже волнами прокатывается покалывание, замирая где-то между ног.

Ничего подобного со мной никогда не происходило. Резко и неожиданно вжимается влагиалище, а я ощущаю, как по внутренней стороне бедра скользит горячая капля.

Лицо моментально вспыхивает. По телу разливается жар. Трясущейся рукой я стараюсь опустить юбку. Но он перехватывает мою ладонь, отводит в сторону.

Я сама себя загнала в ловушку с этой стремянкой. Я не могу спуститься, не могу сделать шаг в сторону, я могу только таять и полыхать от незнакомых мне ощущений.

Я уже давно не слышу, что гремит в наушниках. Вокруг нас вакуум, пустота.

Я больше не чувствую ничего, кроме его рук на моем теле. Я вся превращаюсь в один оголенный нерв. А мужчина рядом умело играет на нем.

Горячая ладонь перемещается к внутренней поверхности бедра, заставляя меня шире расставить ноги на узенькой перекладине стремянки.

Длинные пальцы настойчиво ползут вверх, пьяня и заставляя утопать в каких-то странных видениях.

Низ живота томительно ноет, требуя продолжения.

Мужские пальцы поддевают краешек тонкого белья и отодвигают его.

Что же он делает? О боже, почему же я не остановлю его?

Напряжение становится невыносимым, я пытаюсь свести ноги. Но крепкая ладонь мне не дает.

Подушечки его пальцев касаются напряженных половых губ. Пульс бьет по вискам, влагиалище пульсирует ему в такт.

- Прошу, - шепчу я обреченно.

Настойчиво его пальцы проходятся по ложбинке между большими половыми губами, надавливают и проникают глубже. К самому сокровенному.

Мне едва удастся подавить стон.

Нет, это неправильно! Так не должно быть!

- Прошу, не надо, - крупные соленые капли срываются с ресниц.

Завоевывающие меня пальцы замирают на секунду, а после резко оставляют мое тело в покое.

Воздух вокруг вибрирует от страсти, раздражения и полыхающей ярости.

Без его рук на моем теле резко становится холодно. Съеживаюсь и срываю наушники.

В мой мир моментально врываются громкие голоса за дверью, топот множества шагов.

Рвано вдыхаю и оборачиваюсь. Но заметить успеваю только напряженные широкие плечи, исчезающие в дверном проеме.

Это был ОН! И ОН творил со мной что-то невероятное, запретное и такое сладкое.

Судорожно впиваюсь пальцами в стремянку. Щеки полыхают. Тело начинает бить крупная дрожь.

Что это было? Боже, почему мое тело ТАК отреагировало на приставания этого мужчины?

Так не должно быть!

Я должна млеть и таять в руках только любимого мужчины... когда он появится. Я уверена в этом! Так будет правильно.

А Набиев? Он не для меня...

Я впервые в жизни захотела кого-то по-настоящему, как женщина хочет мужчину. И этим кем-то оказался мой хозяин. От осознания этого становится стыдно и противно от самой себя.

Я не для него...

Губы дрожат.

Надо успокоиться. На трясущихся ногах сползаю с лестницы и торопливо одергиваю юбку.

Мышкой проскальзываю среди десятка незнакомых людей, что снуют по коридорам огромного особняка.

Не оборачиваюсь на окрик Миланы. Она пождет!

Врываюсь в свою спальню и захлопываю за собой дверь. Обвожу взглядом комнату и понимаю, что не смогу здесь ни спрятаться, ни успокоиться.

Достаю из тумбочки пачку сигарет.

Я не курю постоянно, так, балуюсь. Сигаретка помогает мне привести мысли в порядок, когда уже ничего не помога-

ет. А началось все после болезни папы. Никотин – не друг, но неплохой помощник.

Я малодушничая и скрываю от папы свою дурную привычку.

Очень быстро перебираю ногами, спускаясь с третьего этажа по черной лестнице. Распахиваю дверь и вылетаю в морозные объятия поздней осени.

Тело моментально пробирает холодом. Надо было захватить куртку. Неважно. Так я даже быстрее приду в себя, остужу слишком разыгравшуюся кровь.

Прикуриваю и делаю очень долгую затяжку, прислонившись к стене дома. Задний двор убран и пуст.

Неторопливо выпускаю дым.

Зачем это ЕМУ? Чего он хотел от меня?

Я всего лишь маленькая неудачница, а он миллионер. К его ногам каждый вечер девицы падают толпами.

Стоит вспомнить хозяина, как сердце снова начинает чашить.

Отталкиваюсь от стены – надо пройтись, прогуляться. Тем более торчать без дела у заднего входа – палевно.

Вот-вот и кто-нибудь из новой прислуги пойдет относить свои вещи в домик для прислуги, что стоит на заднем дворе.

Резко поворачиваю на дорожку, что ведет в другую сторону, к бане.

И замираю.

Около деревянного сруба оголенный по пояс ОН колет

дрова.

Стальные мышцы перекачиваются под смуглой глянцевой кожей при каждом движении.

Закусываю губу, с жадностью следя за ним взглядом.

Пудовые кулаки сжимают деревянную ручку топора.

Мужчина словно играючи опускает колун на очередное палено. Гулкий звук удара и оно разлетается на части.

Марат Азатович легким движением закидывает колун себе на плечо и наклоняется за следующим поленом.

Из его рта вырывается облачко пара. А по разгоряченной груди стекает капля соленного пота, обрисовывая мощную грудь, фактурные межреберные мышцы...

Ах, влагище тут же сжимается...

Следом другая капля скользит по рельефным кубикам пресса и впитывается в белоснежную резинку боксеров, что выглядывают из-под строгих брюк.

Облизываю пересохшие губы.

Он просто нереален! Такой сексуальный, мощный, притягательный...

Взгляд так и приклеивается к его боксерам. Неожиданно ширинка дергается и приподнимается.

Мои глаза округляются. Дышу через раз. Огненная волна прокатывается по телу.

Считанных секунд хватает, чтобы бугор в паху стал внушительных размеров.

Мой взгляд быстро перескакивает к лицу мужчины.

Марат Азатович заметил меня.

Он замирает с чуркой в руках и разглядывает меня в ответ со странной смесью интереса, удовлетворения и вожделения.

Надо бежать, прятаться.

Но я не могу отвести от него взгляд. Снова сглатываю вязкую слюну.

И на одних рефlekсах делаю очередную затяжку.

Взгляд мужчины вспыхивает неудовольствием. Черные бездонные глаза сужаются, голова слегка наклоняется к плечу.

Мужчина легким движением загоняет колун в полено и подхватывает с крючка свои вещи.

В несколько широких шагов он преодолевает разделяющее нас расстояние.

Его взгляд не отпускает, держит, заставляет трепетать перед владельцем.

Не смотря на то, что на улице довольно холодно, мое тело полыхает, форменное платье душит меня. Поднимаю руку, стараясь оттянуть ворот.

Марат Азатович подходит совсем близко, нас разделяют всего лишь миллиметры. Как в библиотеке.

Не смею поднять глаза, упираясь взглядом в такую шикарную сексуальную грудь.

Мужчина поднимает руку.

Сжимаюсь и закрываю глаза. От страха? Возможно.

Замираю в болезненном предвкушении.

Проходит секунда, вторая... Время словно замирает.

Сердце частит в груди. Кончики пальцев немеют и покалывают.

Я чувствую его ладонь, она совсем близко. Жду удара.

Шершавые пальцы неожиданно касаются моей ладони и вырывают недокуренную сигарету.

Мужчина слегка наклоняется. В нос ударяет его аромат. Дорогие духи и терпкий мускусный запах сильного мужчины. Странная и пьянящая до одури смесь.

- Никогда, - зло шелестит он над ухом. – Чтобы я никогда больше не видел, что ты куришь. Ясно?

Горячее дыхание приподнимает волоски на моем виске.

По коже пробегает волна мурашек.

- Ясно? – не дождавшись ответа, повторяет он.

Гулко сглатываю и киваю.

- Советую, не нарушать данное обещание. Я не всегда буду таким терпеливым.

Он выдыхает мне в макушку смесь слов и кипящей ярости. После накидывает мне на плечи свой пиджак и подхватывает под локоть.

- Идем, - Марат Азатович тащит меня к дому.

Я едва успеваю за его широкими шагами. Практически бегу.

Он первую меня заталкивает в дом, заходит следом и громко хлопает дверью.

- Вот так встреча, - ехидный женский голос заставляет

вздвогнать нас обоих.

Милана появляется на лестнице и лучезарно улыбаётся.

Опускаю глаза в пол и заливаюсь краской стыда.

- Хм, - грозно хмыкает хозяин и уходит прочь, не удостоив

Милану ответом.

- Может, я в тебе и ошибалась, - задумчиво говорит она, склонив голову на бок.

- Что? — я не понимаю.

- Так, мысли вслух, - она отмахивается от меня.

- Я не...

Договаривать нет смысла, потому что женщина уже развернулась и пошла руководить новым штатом прислуги.

Господи, помоги мне! О чем она вообще говорит?

И опять наступает затишье. Перед бурей, я в этом уверена.

Хозяин с Миланой заняты делами фирмы и могут по несколько дней не показываться.

Чаще Милана приезжает одна на своей роскошной иномарке.

Но даже в те дни, когда ОН дома, я стараюсь спрятаться где-нибудь, затаится и не попадаться ему на глаза.

Дом кипит, бурлит, чистится и моется к большому ужину. И у меня просто не остается сил и времени обдумать то, что произошло.

А подумать бы стоило.

Выжатая как лимон добираюсь до своей комнаты и падаю на постель прямо в униформе.

Не успеваю закрыть глаза, как раздается настойчивая трель телефона.

Нащупываю смартфон под подушкой. Папочка!

Мы так редко с ним общаемся. Особенно в последнее время, он сейчас в современном онкологическом центре проходит курс химиотерапии.

У меня все время съедает работа. А когда я освобождаюсь – не смею его тревожить, он уже должен спать в такое время.

- Привет, папочка! – голос дрожит.

- Привет, солнышко, - я слышу по его голосу, что что-то случилось.

- Что с тобой, папа? Как ты себя чувствуешь? – сон снимает как рукой. Резко вскакиваю с кровати и начинаю наворачивать круги по комнате.

- Все хорошо, - его прерывает кашель. Сухой, надсадный, скручивающий все папино иссохшееся тело.

С тревогой вслушиваюсь и молюсь, чтобы в этот раз все обошлось.

- Все хорошо, детка, - повторяет папа, задыхаясь.

Кашель отнял у него все силы.

- Где сиделка? Почему она не рядом с тобой?

- Вот о ней я и хотел поговорить, - отец понижает голос.

- Что случилось? Она ушла? Бросила тебя? Ты можешь

позвать медсестру с поста? Я сейчас приеду! – начинаю судорожно соображать, что мне надо взять и куда бежать.

- Нет, родная. Сиделка здесь, со мной. Отошла на минутку.

Выдыхаю с облегчением.

- Послушай, Маш, Ирина Ивановна отличный специалист и вроде неплохой человек, - отец замолкает на секунду, обдумывая свои слова.

- Но... - тревожно тороплю его с ответом.

- Но она слишком впечатлительная и дотошная. А еще она склонна к преувеличению и панике.

- Не понимаю.

- Не бери в голову. Просто если она вдруг тебе позвонит и скажет, что у меня все плохо – не верь ей...

- Папа! Что случилось? Что тебе сказал врач?

Отец молчит. Я знаю его слишком хорошо. Если ему нечего мне сказать, значит все очень плохо.

- Я сам себя сдал, верно, детка? – он пытается шутить.

- Папа... - по щекам катятся соленые слезы.

- Детка, Машунь, не плачь. Все не так плохо, - его хриплый слабый голос едва слышен в трубке. – Врач сказал, что для операции осталось очень мало времени.

- Сколько? – сердце сжимается в груди.

- Месяц – два. Три - это самое большее. Опухоль растет в просвет бронхов. Когда она начнет расти внутрь или наружу, черт поймет этих врачей, кх-кх, - кашель вновь прерывает

его. - Тогда станет поздно.

- Держись, папа. Я найду деньги. Все будет хорошо, - говорю с уверенностью. И понимаю, что я в лепешку разобьюсь, но достану эти деньги.

- Не надо, - слабо возражает он. – Возвращайся домой. Я просто хочу побыть с тобой до... до конца, - он выдыхает последнее слово и замирает.

А я молчу, не в силах ответить, спазм сжимает гортань. А слезы нескончаемым потоком бегут по щекам.

- Я не отпущу тебя... - шепчу в ответ.

- Андрей Игоревич, вам давно пора спать! – гремит мне в ухо из телефона. – Быстро заканчивайте разговоры и в кровать.

- Прощай, Машуль. Доброй ночи, - проговаривает он скороговоркой и отключается.

- Пока, папуль... - шепчу в пустоту.

Очень осторожно откладываю телефон в сторону. И смотрю вперед, не видя ничего перед собой.

Месяц-два, месяц-два. И все!

Где мне достать такие огромные деньги за два месяца?

Может, банк ограбить?

Или обнести дом одного миллионера?

Мозг пытается шутить. Но я лишь грустно улыбаюсь в ответ.

Весь аванс я отложила на курс химиотерапии. Вот только это капля в море.

Папе нужны очень дорогие лекарства. Одна ампула почти десять тысяч рублей. На курс четырнадцать ампул.

Где мне взять такие деньги, я не представляю.

На ватных ногах добредаю до ванной и встаю под упругие струи горячей воды.

Сейчас мне нужны силы, чтобы обдумать все, что навалилось на меня.

Впитав в себя всю энергию падающей воды, я, наконец, выскальзываю из душевой и в одном полотенце выхожу в спальню.

- Я уже думала, ты там утонула, - на моей кровати устроилась Милана.

- Что тебе надо?

- Как грубо, - она морщится, но не уходит. - У Андрея все не очень хорошо...

Она лениво перебирает ухоженными пальчиками свои длинные волосы. А его острый словно кинжал взгляд вонзается в меня.

По моему лицу проходится судорога.

- Откуда ты...

- Неважно, - она резко обрывает меня. - Важно то, что у тебя просто-напросто нет таких денег.

Судорожно сжимаю мокрое полотенце на груди.

- Даже если ты продашь вашу холупу на окраине, тебе не хватит даже на наркоз, - она улыбается одними уголками.

- Убирайся, - шепотом отвечаю ей.

- Мария, - она повышает голос, а ее глаза темнеют. – Я бы на твоём месте так со мной не разговаривала.

- Зачем ты пришла? Издеваться надо мной?

- Нет, дорогая, - ее ярко-алые губы расползаются в самодовольной улыбке. – Я пришла предложить тебе выход.

Выход?

Сердце замирает в груди. Робкая надежда поднимает голову.

Она даст денег! Она все-таки даст нам денег.

Я уже собираюсь броситься ей на шею и расцеловать! Я готова простить ей все, ее характер, ее уход, ее...

- Ты должна стать любовницей Марата Азатовича.

Ее слова оглушают меня. Сердце болезненно сжимается. Следом меня начинает подтрясывать.

Делаю шаг назад и прижимаюсь к дверному косяку.

- Что? – беззвучно шепчу я.

Я смотрю расширенными от ужаса глазами на эту женщину.

Она все так же сидит на моей кровати и с интересом разглядывает свой маникюр.

- Чего-то подобного я от тебя и ждала, - говорит она скучающим тоном.

- Что?

- Маша, не будь душой! – резко бросает она.

- Убирайся, - шиплю в ответ. – Я не хочу тебя видеть.

- Мне кажется, ты чего-то не допонимаешь.

Она поднимается.

- Ты – бестолочь без денег, без образования и без связей.
Закусываю губу от обиды.

- Твой отец – неудачник с раком, который не сегодня-завтра убьет его...

Я задыхаюсь от обиды и унижения.

- Неожиданно тебе дается шанс доказать, что ты на что-то годна. А ты взбрыкиваешь.

- Как ЭТО может помочь папе с операцией? – я сама не понимаю, что несу. Как я вообще могу обсуждать ЭТО?

- Очень просто, - Милана снова улыбается. – Марат готов оплатить операцию твоего отца, пребывание его в онкологическом центре и сиделку.

Судорожно выдыхаю.

- Ах да, и реабилитацию.

Подношу ладони к лицу. Щеки горят, а пальцы холодеют.
Мокрое полотенце неприятно липнет к телу.

- Сомневаешься? – она подходит ближе.

Закрываю глаза, стараюсь выровнять дыхание, не слушать ее ядовитых речей.

- Маша, - ее голос становится тише, мягче, проникновеннее. – Открой глаза.

Не знаю, почему я подчиняюсь. Стоит поднять веки, как в глаза мне бросается толстая пачка абсолютно новеньких оранжевых купюр.

- Что это? – шепчу удивленно.

- Это твой аванс. Ну же возьми их.

Я несмело протягиваю руку, но замираю.

- Здесь сто пятьдесят тысяч, - она демонстративно машет ими перед моим лицом. – Этого хватит, чтобы завершить курс химиотерапии.

Я словно загипнотизированный зверек качаюсь вслед за двигающимися передо мной деньгами.

Господи! Вот же они, сто пятьдесят тысяч! Прямо передо мной! Папа закончит этот курс и если все будет... не хочу думать о том, что меня ждет... мне дадут еще денег, на операцию.

- Держи, - мать перехватывает мою руку и вкладывает в нее пачку купюр. – Погладь их, они реальны. Они твои...

Ее голос словно нежный яд вливается в мои уши, проникает в мозг и выжигает там все.

Остается лишь одна мысль: «Деньги, они у меня. Деньги!»

- Или ты хочешь потерять все? – она резко вырывает деньги из моих рук.

Я инстинктивно подаюсь вперед, протягиваю руки, пытаюсь ухватить ускользающее от меня благо. Теряю равновесие и падаю перед матерью на колени.

- Нет... - шепчу я.

- Значит, согласна? – она довольно скалится.

Обреченно киваю.

- На тумбочке контракт на твое тело, подпиши его и получишь аванс.

Ее голос становится деловым и жестоким.

Дрожащей рукой подписываю на последней странице, не читая.

- Когда... – сглатываю вязкую слюну, - мне приступать?

- Сегодня, - она улыбается. - Приведи себя в порядок.

Милана пренебрежительным взглядом обводит мою фигуру.

Я растерянно смотрю в ответ.

- Живее, - она дергает меня за руку, заставляя подняться с колен. – Держи.

Мне в руки ложится коробка, перевязанная огромным бантом.

Раскрываю ее и заливаюсь краской стыда.

Внутри лежит безумно красивое и вызывающее нижнее белье. Итальянское кружево и больше ничего.

Часть I Глава 5

Через пятнадцать минут мы стоим в ванной хозяина, попав туда через смежную спальню.

Милана в очередной раз осматривает меня и довольно кивает.

- И последнее, Маша. Марат Азатович любит, когда девушки ведут себя смело, берут инициативу в свои руки. От сегодняшней ночи многое зависит для тебя лично. И твоего отца, - последнее она практически выплевывает.

Дверь с тихим щелчком открывается, и женщина вытаскивает меня в хозяйскую спальню.

Огромная комната, в центре которой располагается королевских размеров кровать. Приглушенный свет двух ламп на тумбах мягко обволакивает часть комнаты, не в силах рассеять сумрак по углам и добраться до хозяйской кровати.

Я не вижу его, но чувствую его присутствие, его заинтересованный жадный взгляд, что скользит по моему полуобнаженному телу.

- Иди сюда, - вздрагиваю от глубокого хриплого баритона.
- Я устал ждать.

Он не просит, он приказывает. Я всем своим существом чувствую, что неповиновение будет жестоко наказано.

Сердце бешено стучит, гулко ударяясь о ребра. Вдоль позвоночника прокатывается волна из мурашек, а следом сте-

кает ледяная капля пота.

Дверь в ванную за моей спиной с тихим щелчком закрывается. Пути назад нет.

На негнущихся ногах я подхожу к кровати. Во рту пересыхает. Обхватываю себя за плечи.

Мне не холодно, мне страшно.

Это последняя попытка отгородится, последний барьер между ним и моим телом.

- Налей вина, - новый приказ.

Я покорно наливаю темную жидкость в высокий бокал и протягиваю ему.

Темный силуэт на кровати отрицательно качает головой.

- Выпей, - звучит новый приказ.

Я делаю большой глоток. Вязкая терпкая жидкость прокатывается по небу и обжигает горло.

- Еще.

Залпом я выпиваю полный бокал.

- Что у тебя для меня есть? – его голос становится хриплым.

Я молча опускаю глаза в пол. Не знаю, что сказать. Включится в игру? Или дать ему право самому решать за меня?

- Иди сюда.

Не слышу, скорее чувствую, как дрогнул его голос.

Подхожу ближе, задевая кровать и край его махрового халата.

Целую вечность он просто рассматривает меня.

Я чувствую его жадный, голодный взгляд. Он скользит по моему телу, облизывает, обжигает. Слишком долго он задерживается на груди, запакованной как новогодний подарок в дорогое кружево.

Вздрагиваю, когда моего тела касается шершавая ладонь.

Сначала невесомо, а затем почти грубо, властно она исследует каждый сантиметр моего тела.

Мягкие подушечки пальцев очерчивают ключицу, задерживаются в ложбинке у самого основания шеи. Кожа корит и плавится, рассыпая следом за его касаниями миллиарды мурашек.

Пальцы соскальзывают вниз и замирают, зацепившись за край кружевной чашечки.

Внутри неожиданно и бурно поднимается горячая волна.

Рвано вдыхаю.

Первым мой порывом становится желание убежать, спрятаться. Но я сжимаю руки в кулаки.

Мужские ладони ложатся на мою грудь. Сначала нежно они гладят, массируют небольшие полушария моих грудей.

Неожиданно для меня соски откликаются на незнакомую мне ранее ласку и твердеют. Упругие горошины упираются в тонкое кружево.

Передергиваю плечами, отчего тонкая ткань скребет по соскам, вызывая мощный разряд удовольствия.

Низ живота томительно поднывает, наливаясь расплавленным свинцом чувственного томления.

Хозяин резко срывает с меня бюстгальтер и сжимает мою грудь. Грубо, сильно, чувственно.

Я вижу, как в полутьме сверкают его глаза. Всеподчиняющие черные глаза не отпускают, ждут моей реакции.

Вместо боли я чувствую, как огненный поток разбегается по венам и устремляется к сосредоточению женственности.

Закусываю губу, боясь своей реакции.

- Уходи, - бросает он хрипло. Его ладони неожиданно оставляют мою грудь в покое.

Влагалище болезненно сжимается.

Я стою, пораженная его реакцией.

Я ему не понравилась?

Но я же вижу, что он хочет меня. По очертаниям белоснежного халата даже в полумраке несложно угадать мужскую эрекцию. Пускай я не была с мужчиной, но уж такие вещи знаю.

Я стою на месте и чувствую его раздражение и нетерпение. А еще его мускусный запах, который заставляет мое сердце биться чаще.

- Чего застыла? Иди, - повторяет он почти грубо. – Я не насиую маленьких девочек.

Мужчина тянется к своему бокалу и за один глоток опустошает его. Я вздрагиваю, когда бокал летит в стену и осыпается вниз осколками.

«Не насилует... но я же пришла сама...» замираю и понимаю, что все это время боролась с собой, со своими ощущение-

ниями.

Как глупо. Я упустила единственный шанс спасти отца. Слезы накатываются на глаза. В груди рождаются рыдания.

Хозяин отталкивается от кровати, встает и шагает к огромному окну.

На меня он больше не смотрит.

- Позвольте... - голос дрожит.

Он замирает, но не оборачивается.

Смелее, Маша. Смелее!!!

- Позвольте мне остаться, - заканчиваю шепотом.

- А ты этого хочешь? - любуюсь его профилем вполоборота на фоне полной луны.

Киваю в ответ, проглатывая ком рыданий.

- Подойди, - приказывает он.

Я подхожу и замираю, едва касаясь мягкой ткани его халата.

- Докажи, - требует он.

Паника огромной волной накрывает меня.

Закрываю глаза и подаюсь вперед.

Сама не ожидаю от себя такого.

Тянусь к его губам, несмело касаюсь краешка.

Целую почти невинно. Его губы удивительно нежные и вкусные. Капелька крепкого виски добавляет им терпкости.

Он не отвечает, ждет.

Я несмело прохожусь кончиком языка по его губам, слизывая все, что осталось от алкоголя. Это пьянит.

Чувствую, как он втягивает воздух полной грудью.

Ему нравится? Продолжаю исследовать и пробовать на вкус его губы. Смелею и прикусываю нижнюю, пухлую, сладкую.

Прикусываю и сама пугаюсь своей наглости. В порыве отчаянья втягиваю ее в рот и начинаю посасывать, стараясь загладить свое поведение.

Меня пугает его отстраненная холодность. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он словно прекрасное мраморное изваяние.

Я не подошла ему!!! – отчаянно бьется мысль в моей голове.

Он разорвет контракт, он не даст денег.

Осознание своего поражения странно горячит кровь.

Я прижимаюсь к этой нереальной глыбе гранита. Упираюсь ладошками в грудь, распахивая на нем халат.

Отчаянье доводит меня до иступления.

С остервенением набрасываюсь на его губы, втягиваю их в рот, кусаю, зализываю укусы и, наконец, раздвигаю их языком, намереваясь узнать его на вкус.

Волнение набатом стучит в груди, мысли становятся вязкими, а под ладошками чувствую, как ускоряет ритм огромное сердце в его груди.

Стоит моему языку оказаться внутри его рта и коснуться неба, как мужчина словно с цепи срывается.

Взвизгиваю в его раскрытый рот, когда огромные ручки

подхватывают меня и прижимают к разгоряченной груди.

Мне не хватает воздуха. Больше я не управляю ситуацией. Теперь ведет он.

В груди разливается волнение и предвкушение чего нового и такого желанного. Кровь толчками несется к промежности, распалая меня, заставляя желать незнакомой развязки.

Его язык хозяйничает у меня во рту, то резко врываясь внутрь почти до самой глотки, то выскальзывая наружу. Его зубы терзают мои губы, прикусывая и теребя мои губы.

О боже, никогда не испытывала ничего похожего.

Выгибаюсь дугой, когда разгоряченное тело опускается на прохладные простыни.

Хозяин на миг отстраняется от меня. Я запрокидываю голову, закрываю глаза и хнычу словно маленький ребенок.

Не понимаю, что со мной. Но мне остро не хватает его рук, губ и разгоряченного тела. Я замерзаю.

- Потерпи, - шепчет он, развязывая халат.

Приподнимаюсь на локтях, чтобы не пропустить ничего.

Как только тяжелая ткань опускается на пол, мне открывается вид на мощное тренированное и крайне сексуальное тело моего хозяина.

Рельефная грудь, темные ареолы сосков. Красуясь, он поигрывает ими. А у меня от желания перехватывает дыхание.

Облизываюсь, желая попробовать их на вкус.

Опускаюсь ниже.

Кубики пресса напряжены и четко выделяются под лосня-

щейся кожей. От пупка к лобку бежит темная дорожка вьющихся волос.

Закусываю губу. Среди черных завитков стоит и покачивается в мою сторону мощный вздыбленный член.

В приглушенном свете блестит капля смазки на самой вершине. Облизываю пересохшие губы.

Мужчина бросается вперед, опрокидывая меня обратно на кровать.

- Хватит смотреть, - рычит он.

Ощуаю бедрами его напряжение.

Его ствол скользит по моим ногам и замирает прямо над лобком.

Он грубо сминает в ладони итальянское кружево. С треском и напряжением рвутся кружевные трусики, оставив после себя саднящее чувство сожаления. Не носить мне дорогого белья.

Я замираю, боясь и одновременно желая того, что должно случиться.

Ощуаю, как по внутренней поверхности бедра стекает горячая капля моего желания. Закрываю глаза.

Напряженная плоть давит сильнее, мужская рука почти грубо разводит мои ноги в стороны.

Он перехватывает мою руку и кладет себе на член. Сжимает мою руку, заставляя проскользнуть вверх-вниз по податливой плоти. Член вздрагивает в моей руке и напрягается.

Мужчина рычит словно зверь, прикрыв глаза.

Наваливается сверху. Головка упирается в мои набухшие складки.

Надо сказать, чтобы он был осторожнее, мелькает запоздавшая мысль.

Его бедра напрягаются, резкий рывок и член проскальзывает глубже, раздвигая налитой головкой половые губы и узкие стенки влагалища.

Аааа, какой он больш-ОЙ.....

Я кричу, сжавшись в напряженный комок. Боль пронзает тело.

Она уменьшается, но не проходит, пульсирует вокруг огромного члена во мне.

Шершавые ладони обхватывают мое лицо. Обжигающе горячее дыхание касается лица.

- Выдохни – новый приказ.

Я зажмуриваю глаза и пытаюсь качать головой. Но он держит крепко.

Его губы касаются моих.

- Выдохни, малышка, расслабься, - его голос становится нежнее, проникновеннее.

Я стараюсь. Выдыхаю. Но боль не дает мне расслабиться, и я сжимаюсь сильнее.

- Отпусти боль...

- Не могу, - хнычу я, чувствуя, как вздрагивает во мне огромный член. Слишком большой, слишком мощный.

Он практически насадил меня на себя, грубо раздвинув

стенки головкой.

- Закрой глаза, слушай мой голос. Я не могу выйти из тебя, больше ты меня непустишь.

Подчиняюсь. Закрываю глаза.

- Вот так, умничка, - шепчет он и нежно касается уголков моих губ губами.

Его руки соскальзывают с моего лица и накрывают грудь. Мягко гладят, обрисовывая пальцами ареолу.

Я рвано вдыхаю.

- Ты прекрасна, маленькая невинная горничная, - шепчет он мне на ушко и прикусывает мочку.

Мои руки, выставленные вперед, соскальзывают с его груди. Мужчина прижимается ко мне.

Его губы спускаются ниже, целуют подбородок, шею, прикусываю нежную кожу.

Я выгибаюсь в его руках и ...

Снова кричу. Он резким рывком вгоняет член в меня до предела, по самые яйца.

- Сейчас все пройдет. Я обещаю, - его язык исследует мою шею.

Я теряюсь в ощущениях. Боль притупляется, тонет в полыхающем внутри пожаре страстного желания.

Ерзаю под мужчиной, пытаюсь найти себе место. Он терпеливо ждет, не выходя из меня.

Но стоит мне замереть, как его член оживает во мне. Новое скользящее движение.

Я остро ощущаю, как мощный поршень практически выскальзывает из меня, оставляя болезненную пустоту. И снова резко и быстро врывается внутрь, раздвигая набухшую плоть. С каждым разом движения становятся все быстрее и быстрее.

С каждым толчком внутри меня зреет что-то непонятное болезненно-томительное.

- Нет, - я пытаюсь сопротивляться неизвестному.
- Тише, - он ускоряется, не слушая меня.
- Нет, прошу, - хриплю, пугаясь нарастающего внутри напряжения.

В целом мире существует только мое влагалище и скользкий внутри него член.

Дышу урывками, прислушиваюсь к себе и с напряжением жду развязки.

Его член больше не скользит во мне, он долбится. Резко, практически грубо долбится в самый свод влагалища.

Мужчина надо мной рычит, завоевывая мое тело.

Расплавленный свинец в животе окутывает неведомый шар напряжения и... без предупреждения взрывается фееричным по силе и удовольствию оргазмом.

Эротическое наслаждение волнами прокатывается по моему телу, заставляя дрожать в мужских руках.

Тело сотрясают спазмы, влагалище сжимается, обхватывая напряженную мужскую плоть.

Из губ хозяина вырывается стон.

Стоит последней судороге отпустить мое измученное тело, как я замечаю, что впиваюсь ногтями в мужскую спину.

Ослабляю хватку, и тут же он приподнимается на локтях, пытаюсь покинуть меня.

Закидываю ногу на его талию, касаясь ступней напряженных бедер.

Его брови удивленно приподнимаются.

Облизываю сухие губы и шепчу.

- Вы... вы не успели...

Говорю и сама поражаюсь своим словам.

Черные словно ночь глаза впиваются в меня, изучают, пронзают насквозь.

Он не улыбается, не играет, говорит серьезно.

- Ты уверена, что выдержишь МОЙ оргазм сегодня?

Я совсем не уверена, но киваю.

- Вставай на колени, - приказывает он, быстро выскальзывая из меня.

Я покорно переворачиваюсь на живот и поднимаюсь на четвереньки.

Тяжелая ладонь ложится мне на спину. Проходится вверх по позвоночнику, вызывая толпу мурашек. И вниз к самым ягодицам, вызывая волну возбуждения.

Он грубо сжимает мою задницу, а потом с силой хлопает по ней. Острая боль прошивает меня, но следом меня накрывает огненной волной желания.

- Прогнись, - командует он, надавливая мне между лопат

ток.

Я покорно опускаюсь грудью на простыни, выпятив задницу.

Горячая головка скользит по межягодичной складке, на миг замирая напротив ануса.

Промежность сжимается, а внутри нарастает волнение и предвкушение чего-то запретного, сладкого...

Головка оглаживает анус и скользит дальше, ко входу во влагалище.

Крепкие руки впиваются в мои бедра, а его упругие ягодицы толкаются вперед, забивая в меня член.

О да! Полнее, острее, чувственнее.

Толстый напряженный член снова и снова врывается в меня. Я сбиваюсь со счета, тону в новых ощущениях.

Слишком сильно, слишком мощно головка ударяется в свод влагалища.

Я напрягаюсь, но получаю новый шлепок по ягодице. И еще один.

Стону от боли и наслаждения.

Хозяин ускоряется, его бедра словно отбойный молоток забивают в меня член до упора.

Горячие ладони то поглаживают мои ягодицы, то снова шлепают по ним.

Моя задница горит, промежность пылает от сильных и мощных толчков, от крови, что прилила туда в жажде скорейшей развязки.

Внизу живота растет новый комок расплавленного чистого удовольствия.

Мои руки скользят по простыни, сжимаю кулаки, сминая влажную ткань. Дышу урывками, всем телом сотрясаясь от мощных толчков.

Темп ускоряется, вздрагиваю от разорвавшегося внутри наслаждения. У меня нет сил даже кричать. Тело скручивает, выворачивает наизнанку и бьет крупной дрожью. Влагалище сжимается в мощном спазме.

Крупные капли пота стекают по лицу, ощущаю их соленый вкус.

Мужчина до боли сжимает мою талию в руках и разгоняется до нереальной скорости. Я больше не ощущаю его толчков и скольжения. Меня все еще выкручивает накрывшим оргазмом.

Перед глазами все плывет, в ушах гулко отдаются звуки шлепков его лобка по моим ягодицам.

Рывок и мужчина наваливается на меня. Ощущаю всем телом судороги его сексуальной разрядки.

Каждая, черт возьми, мышца сокращается под его пылающей кожей.

Он рвано дышит, вздрагивая от каждой новой волны.

Я же расслабляюсь, ощущая, как дрожит и напрягается внутри меня член, как мощная струя бьет в меня.

Стоит последней судороге отпустить хозяина, как он перекатывается на спину, позволяя мне вздохнуть. Его член

выскальзывает из меня.

Не могу отдышаться, перед глазами все плывет. Горячие капли его спермы попеременно с моей девственной кровью стекают по бедрам.

- Я был уверен, что ты отзывчивая девочка, - произносит он хрипло. – Умничка. На сегодня хватит, иначе завтра ты не встанешь и не сможешь заняться работой.

Часть I Глава 6

Внимательно разглядываю себя в зеркале.

Глаза лихорадочно горят.

Губы все еще припухшие, после его жадных поцелуев.

На белоснежной коже безобразной цепочкой по всей шее тянутся синяки и засосы – следы его страсти.

Тридцать ночей близости. Тридцать ночей моих смертей и возрождений из пепла диких оргазмов.

Кожа тут же вспыхивает, а закипающая кровь устремляется к промежности.

Следом сердце в груди сжимается от воспоминания, как заканчиваются наши ночи.

Он неизменно говорит на прощание ничего не значащую фразу, а я быстро исчезаю за белоснежной дверью ванной комнаты.

Он не держит меня, не просит остаться.

В тот самый, первый раз я захотела вернуться, не идти к Милане, не следовать ее глупым правилам.

Мне до одури захотелось обнять его и прижаться к горячей груди. Да, он был безумен в своей страсти, растерзав мою плоть, но он не был груб.

Тихонько приоткрыв дверь, я увидела, как он обнаженный курит на балконе и разговаривает с кем-то телефону. Я так и не дождалась окончания разговора. А я ждала, неплотно

прикрыв дверь в ванную.

Что-то перевернулось во мне в ту ночь. Вопреки своим ожиданиям я не возненавидела его. Наоборот, с каждой безумной ночью он привязывает меня к себе. Я становлюсь зависимой.словно наркоманка.

Теперь он тот, кем я живу, кем дышу.

И это полный писец!

«Маша, - всматриваюсь в свое отражение, - не строй иллюзий. Ты продаешь свое тело. За деньги. О влечении речи не шло. Только бизнес, только секс.»

Натягиваю на тело водолазку, опускаю рукава вниз, стараясь скрыть свежие синяки на запястьях и бесшумно выскальзываю из комнаты. Я едва дождалась рассвета.

Ночью проснулась в холодном поту от осознания своей глупости. Мы не предохранялись. Ни разу за весь этот месяц.

Мысли о незапланированном ребенке не дали мне уснуть. Что скажет Марат Азатович, если я забеременею? Заставит сделать аборт?

Я в очередной раз содрогаюсь и выскальзываю из дома. Во дворе еще темно, на часах без пятнадцати шесть. Лицо щиплет от первого мороза. Обхожу дом и захожу в гараж.

Охранник заводит машину, заметив меня, удивленно скидывает брови.

- Подкинешь до города? – я стараюсь говорить уверенно.
- Тебя?
- Меня. Ты же за продуктами. Мне на десять минут. Туда и

обратно, - замечаю, что тараторю. Но сделать ничего с собой не могу.

Я узнаю, что ребята из охраны каждый день по графику мотаются в город за продуктами в какой-то определенный магазин. Там их уже ждут готовые пакеты. Только забрать и привести обратно.

- Садись, - он пожимает плечами.

Я забираюсь на пассажирское место, пристегиваюсь и замираю.

В голову снова назойливо лезут мысли о малыше. Каким бы он мог быть? Похожим на грозного властного отца? Или на меня, на моего папу?

- Приехали, алле! – кто-то теревит меня за рукав.

Распахиваю глаза и силюсь понять, где я.

- Приехали, у тебя двадцать минут. Потом я отчаливаю. Не успела – твои проблемы, - бросает он грубовато, но не зло.

Я киваю в ответ и следом за ним выскальзываю из машины.

Центр города, огромный торговый центр. Судя по вывеске, здесь есть несколько круглосуточных магазинов, кафе и аптека.

Слава богу!

Забегая внутрь и ищу так необходимую мне аптеку.

- Доброе утро, - тараторю я, смущаясь недовольного зашпанного фармацевта.

- Доброе, - она ждет, что я попрошу.

- Мне таблетки, противозачаточные, - я бледнею и опускаю глаза. Я никогда не думала, что мне будет так тяжело и стыдно это просить. В этом нет ничего страшного или постыдного.

Но мне кажется, что эта женщина за пятьдесят с помятым лицом видит меня насквозь и знает, что я продала себя.

- Какие? – ее безразличный голос эхом отражается от стен.

- Я.. не знаю... любые...

- Рецепт есть?

- Рецепт? – они что, по рецепту. Я поднимаю на нее глаза. И видимо, она читает в них боль и ужас, потому что обреченно машет рукой и идет к одному из шкафов.

- Тысяча восемьсот рублей, - она быстро сканирует штрих-код и щелкает по клавишам.

Прикладываю карту к терминалу и пулей вылетаю из аптеки, даже не сказав «спасибо» и «до свидания».

Вырываюсь в предрассветную мглу, останавливаюсь у закрытой машины. И тяжело дышу.

Только сейчас замечаю возвышающуюся напротив махину нового онкологического центра. Крупные позолоченные буквы ярко подсвечиваются.

Сердце тревожно бьется в груди.

Папа! Папочка! Едва сдерживаюсь, чтобы не бросится туда.

Прости, папочка, я стала редко звонить и совсем не могу вырваться, чтобы тебя навестить!

Киваю своим мыслям. Завтра у меня выходной. Завтра у папы заканчивается очередной курс химиотерапии именно в этом современном и навороченном центре.

Я сделаю ему сюрприз, сама заберу его из центра.

И весь день буду сидеть в изголовье его кровати и рассказывать ему истории из своей новой жизни.

Сердце болезненно сжимается.

Только я не скажу ему про Милану, ему не стоит знать. И про контракт я ему тоже ничего не скажу. Так будет лучше!

Неожиданно мне становится спокойнее. Отличная идея.

На такси я успею туда и обратно, до начала следующего рабочего дня.

Позади раздается писк сигнализации и щелчок открытия автомобильных замков.

Всю обратную дорогу я блаженно улыбаюсь, прижимая к себе сумочку с одной решенной проблемой и собираясь очень скоро хотя бы частично вернуть папочке свое внимание.

Каждый новый день я встречаю с телефоном в руках и строчу сообщение Ирине Ивановне. Она в ответ присылает короткий отчет о начале дня и предполагаемых процедурах.

В течение дня персоналу строго запрещено пользоваться гаджетами.

Второе сообщение я посылаю уже поздно вечером или ранней ночью, это как посмотреть. Папочка уже спит. Поэтому я опять общаюсь с сиделкой.

Вздыхаю и лезу за телефоном.

Пусто. Ни одного нового уведомления. Сообщения за вчерашний вечер и сегодняшнее утро висят непрочитанными. Странно.

Хмурюсь и строчу новое.

Пальцы замирают на виртуальной клавиатуре.

Вскидываю голову и смотрю в окно.

Вокруг предрассветная мгла. За окном серая трасса, скрывающаяся за очередным поворотом и черный голый лес. Мы почти приехали. Еще километров пять и элитный поселок.

Машина стоит без движения на обочине.

Почему мы стоим? Оборачиваюсь к водителю за ответом.

Молодой парень, кажется Сережа, не отрываясь смотрит на меня.

Его бесцветные глаза блуждают по моей фигуре.

Он хмыкает, заметив синяки на запястьях.

Нет, Марат не груб, но в порыве страсти не может контролировать свою силу.

Спешно опускаю задравшиеся рукава. Заинтересованный взгляд попутчика скользит выше, жадно оглядывает обтянутую водолазкой грудь, через которую явственно проступают острые соски.

Судорожно стягиваю на груди куртку. Блин, я так торопилась, что даже лифчик не надела. Не могла и предположить, что ТАКОЕ возможно: соски встанут колом от утреннего мо-

роза и кто-то вообще будет их рассматривать.

Господи, да я вообще не думала об этом! Мои мысли были заняты другим.

По мере того, как Сергей заинтересованно рассматривает меня, в его пустых глазах разгорается странное, не обещающее мне ничего хорошего пламя.

- Сергей? – пытаюсь отвлечь его.

Он молчит. Его осмотр заканчивается на моей шее.

Я прекрасно знаю, что он там нашел Засосы!

Черный зрачок вспыхивает, заполняя радужку. Влажный язык плотоядно облизывает тонкие губы.

Оранжевая подсветка автомобильной панели выдает необычную игру света и тени. Отчего миловидное в общем-то лицо парня превращается в страшную маску похотливого демона.

Если у меня еще были сомнения на счет его намерений, теперь они пропали.

Я судорожно дергаюсь к дверце, пытаюсь найти ручку.

- Стоять! – шипит он, дергая меня за левую руку.

Смартфон вылетает из руки и с грохотом падает куда-то в темное пространство салона.

- Пусти! – я пытаюсь сопротивляться. Но по факту лишь бестолково бьюсь на сиденье.

Парень с силой дергает меня на себя.

Не выпуская моего запястья, он пробирается другой рукой под водолазку, жадно шарит по моему телу.

Содрогаюсь от грубых касаний жестких ледяных пальцев.

- Пусти! Пусти! – бьюсь в его руках, в порывах паники.

Я не хочу! Не хочу! Вот так! Здесь! Сейчас! С ним!

- Заткнись, - зло хрипит он. – Мы только чуть-чуть раз-
влекемся...

Его губы тянутся к моему лицу. Трясу головой. Влажный поцелуй мажет по скуле.

Второй рукой пытаюсь отстранить его от себя. Но на удивление в щуплом парне скрыта сила, в разы превосходящая мою.

- Не строй недотрогу, - скалится он, до боли сжимая мое запястье. – Все знают, что ты трахаешься с хозяином. И тебе нравится грубо, жестко...

- Нет!!! Нет!!! – я пытаюсь вырвать руку.

- Да! – он снова облизывается и, схватив меня за шею, прижимает лицом к своей ширинке. - На первый раз можешь просто отсосать мне. А в следующий раз мы придумаем что-нибудь поинтереснее...

Парень изо всех сил прижимает меня к своему лобку. В его штанах начинает шевелиться просыпающийся член.

Извращенец чертов!

Паника и страх волнами накатывают на меня, парализуя, не давая нормально вздохнуть.

Сергей оставляет в покое истерзанное запястье и пытается расстегнуть молнию на своих штанах.

Перестаю биться и замираю в его руках.

- Молодец, Машка! – тяжело дышит он.

Руками судорожно шарю вокруг, но как назло скребу ногтями только по резиновому коврику.

Господи, пожалуйста, хоть что-нибудь.

Наконец, Сергей справляется с ширинкой и трусами и перед моим носом вываливает наполовину спящий дряблый член. В нос ударяет запах прелого немытого тела и мерзкого мускуса, солоноватый и... кисловатый.

Моментально желудок скручивается спазмом. Тошнота подкатывает к горлу.

Ну пожалуйста, господи!

Под руку попадает что-то цилиндрическое, гладкое. Дергаю предмет на себя. Не очень тяжелое, но вроде крепкое.

- Открывай ротик, шлюшка, давай... Ты же сама пришла ко мне. Покататься с утра решила? Ща я тебя прокачу... Ааа! Сука!

Я со всего размаху и со всей силы бью уроды по башке.

Глухой удар и хруст того, что было зажато в руке, говорят о том, что я попала.

Стеклянная бутылка осколками осыпается парню в трусы и частично на мои волосы.

Ладонь с моего затылка исчезает. Я резко отскакиваю в сторону. Дергаю ручку открывания двери и вырываюсь на свободу.

Кубарем скатываюсь с насыпи. Тут же поднимаюсь и при-

храмывая бегу в лес.

- Вернись, дрянь! – ревет чертов придурок. – Су-у-у-ка!

Я словно испуганный заяц несусь напролом по ноябрьскому перелеску.

Ноги в тоненьких кедах моментально промерзают. От неожиданной нагрузки начинает болеть бок и сводить икры.

Легкие горят от нехватки воздуха. Тяжело дышу ртом, обжигаясь морозным воздухом.

Не знаю, сколько я так несусь, боясь обернуться и увидеть погоню.

Решает все незамеченная коряга. Я цепляюсь ногой и лечу на землю.

Ладони прорезает болью от промерзших комьев земли, мелких камней и хрупких, покрытых изморозью, листьев.

Замираю, тяжело дыша.

Пульс бьет по вискам. В ушах шумит. Перед глазами пляшут цветные круги.

Собираю силы в кулак и пытаюсь встать. Сначала на четвереньки, потом на ноги.

Часть I Глава 7

Вокруг тишина. Погони нет.

Я осторожно прислоняюсь к ближайшему дереву и пытаюсь отдышаться.

В какую сторону мне идти? Прислушиваюсь, в стороне слышен гул машин и шелест шипованной резины. Трасса.

Нет! Точно не туда! А если Сергей еще там и ищет меня?

Отталкиваюсь от дерева и бреду в другую сторону.

Через несколько минут лес редееет, и через черные стволы виднеются огни коттеджного поселка.

Час, может больше мне требуется, чтобы добраться туда.

Я продрогла насквозь, устала.

Охрана на въезде никак не реагирует на меня. Прижимаю разболевшийся локоть и бреду к дому Набиева. Бреду осторожно, прячась от каждой проезжающей машины.

Едва толкаю кованую калитку, как ощущаю, что кто-то сгребает мои волосы в кулак и с силой рвет на себя.

- Вернулась, дрянь? – в мои расширенные от ужаса глаза глядят бесцветные глаза, полные безумия.

Гулко сглатываю, парализованная страхом.

- Думала, сбежала? – скалится он.

Замечаю на его левом виске расцветший бурым цветом синяк.

- Ты за это заплатишь, шлюха, - он тянет мои волосы вниз,

заставляя склониться перед ним.

- Не надо, - хриплю я.

- Я урою тебя прямо здесь, сучка. И мне ничего не будет, вот увидишь, - парень утягивает меня за волосы в сторону чернеющего сада.

- Марат...

- Хозяин? Ха-ха, да ему плевать...

- Помоги...

Не успеваю закончить, как Марат подлетает к нам и впечатывает огромный кулак дебильному Сереже под дых.

Визг недорезанного «поросенка» оглашает элитный поселок.

Сергей падает на колени и сжимается в три погибели. Мои волосы, зажатые в его кулаке, тянут меня следом.

Марат бросается к охраннику и вырывает мои пряди из судорожной хватки. А затем играючи прикладывает того лицом об колено.

Визг тонет в хрусте ломающихся костей и тошнотворном бульканье.

Внутри все сжимается, снова накатывает тошнота.

Теперь Сергей тоненько постанывает.

Мои силы на исходе, подняться самостоятельно с колен я уже не могу.

Тяжело дышу, обхватив горящую голову ледяными руками. Господи, почему это все со мной происходит?

Чувствую, что начинаю заваливаться на бок.

Марат подхватывает меня одной рукой за плечи и поднимает, крепко прижав к своему горячему обнаженному телу.

Я брежу! А может, я уже умерла?

Марат действительно по пояс обнажен. Домашние штаны низко висят на бедрах. Мощная грудь рельефно выделяется в первых лучах осеннего солнца.

Под моими ладошками громко стучит его горячее сердце.

Марат Азатович наклоняется к поверженному противнику, хватая того за горло и одной рукой играючи поднимает над землей.

- Ты трогал то, что тебе не принадлежит, - его голос звенит от гнева.

Замираю, прижатая к его боку, и впитываю живительное тепло.

- Уволен, - хозяин резко отбрасывает от себя бывшего работника. Тот грохается на землю словно мешок.

В ту же секунду Марат подхватывает меня на руки и прижимает к себе.

Я задыхаюсь от невероятного чувства безопасности, тепла и спокойствия.

- Выкиньте этот мусор отсюда, - Марат командует подоспевшими охранниками и, широко шагая, направляется к дому.

Его крепкие руки осторожно поддерживают мое измученное тело.

- Если кто-то из вас косо посмотрит на нее, отправится

следом за Сергеем. Ясно? – пугаюсь грозного рыка и крепче прижимаюсь к его телу.

В ответ раздается нестройный хор служащих.

Я закрываю глаза и просто наслаждаюсь его близостью, его теплом.

Даже если это только сон, я хочу насладиться им сполна.

Его руки укачивают меня, придерживают, защищают от всего мира. Кажется, я смогла бы всю жизнь провести вот так, в его объятиях.

Сейчас мне не хочется думать ни о чем. Я наслаждаюсь моментом.

Все резко заканчивается, когда Марат опускает меня на холодные мятые простыни. Переворачиваюсь и утыкаюсь лицом в подушку. Не хочу разговаривать, не хочу смотреть в его глаза, боясь увидеть там холод и пустоту.

Он стоит рядом, я это чувствую. Но не пытается коснуться меня, успокоить или отругать. Просто наблюдает. Или думает, что делать со мной дальше.

Внутри разливается жгучая боль. Я обманула себя. Я хочу, чтобы он успокоил меня, хочу его объятий, хочу заглянуть в его глаза и...

В голове гулко отдается звук его шагов. Он просто уходит из комнаты.

Разочарование разрывает меня. Закусываю губу. Не помогает.

Напряжение, боль, обида – все вместе накрывает меня с

головой. Пытаюсь подавить подступившие рыдания и не могу. Судорожно всхлипываю раз, другой.

Больно, Господи, как же больно...

Мне казалось, что я стала замечать во властном черном взгляде искры нежности, привязанности или хотя бы симпатии.

Но как оказалось, я опять себя обманула. Выдала желаемое за действительное.

- Тише, девочка, - вздрагиваю от его нежного касания. – Хватит.

Мужская ладонь ложится мне на голову, гладит, соскальзывает по спине.

Робкая надежда вновь расцветает внутри, заставляя настроение смениться, наверное, уже сотый раз за это долгое утро.

- Вставай, - требует он.

Марат Азатович отрывает меня от подушки и разворачивает к себе.

- Зачем? – я пытаюсь отвернуть заплаканное лицо.

- Ты не можешь весь день валяться в моей постели.

Перевожу взгляд на огромную кровать, в которой мы были вместе всего несколько часов назад.

Горько усмехаюсь.

Конечно, мне пора приниматься за работу.

С трудом спускаю ноги с кровати и собираюсь встать.

Марат Азатович хмурится, наблюдая за мной.

Вытираю ребром ладони слезы.

Мужчина, не говоря ни слова, подхватывает меня на руки и несет в ванную.

- Но, куда? – я растерянно смотрю по сторонам.

- Купать тебя, - говорит он серьезно. – А ты куда думала?

Вспыхиваю. Я думала, он меня выгоняет. Но сказать такое не отваживаюсь.

Белоснежная ванная комната, дорогая итальянская плитка, пушистый ковер, махровые полотенца и халаты, мягкий льющийся с потолка свет.

И огромная, просто нереальных размеров ванна. Не ванна, а мини-бассейн.

И он до краев полон пушистой воздушной пены.

Сердце трепещет внутри.

Хозяин опускает меня на пушистый белый ковер прямо в грязных кедах и подхватывает край водолазки.

- Зачем? – я инстинктивно обхватываю себя за плечи.

- Успокойся, Маша, - его голос на удивление нежен. – Я помогу тебе...

Мягкая ткань, послушная его воле, скользит вверх, обнажая мое тело.

Слышу его сдавленный стон и скрежет зубов.

Опускаю взгляд и в очередной раз краснею. Обнаженная грудь с острыми сосками, синяки и царапины от грубых лап этого уроды на коже.

Мне дико стыдно, сама не знаю за что.

Снова хочу прикрыться.

- Не надо, - он мягко разводит мои руки в стороны.

Наклоняется и сам расшнуровывает мои старенькие кеды, бережно снимает их с грязных озябших ног. Следом на ковер опускаются разодранные джинсы.

Охаю, когда в очередной раз он подхватывает меня на руки и опускает в горячую расслабляющую воду.

Тепло и нежный аромат пены для ванной окутывают меня, даря так необходимый мне сейчас покой. А еще и любимый мужчина рядом.

Замираю. Любимый? Любимый! Только сейчас я понимаю, насколько сильно привязалась к этому нереальному, молчаливому, властному мужчине. Надо подумать, как теперь жить дальше, но не сейчас.

Откидываю голову на бортик и закрываю глаза.

Распахиваю их, когда рядом плещется вода, а в ванную рядом со мной опускает полностью обнаженное мощное тело.

- Марат...

- Тише, я помогу тебе расслабиться, - говорит он и скользит мягкой мочалкой по моим плечам.

Не могу сдержать стон. По телу пробегает приятная волна.

Наклоняю голову, позволяя мужчине растирать мою шею, плечи.

Его руки уверенно и осторожно разминают напряженные мышцы. Следом за горячими ладонями скользит мочалка.

Млею.

Мужские ладони скользят вниз, перебирая каждую мышцу на спине.

- О, да... - не сдерживаюсь я.

Сердце частит в груди. Горячая вода или горячие касания заставляют кровь быстрее бежать по венам.

- Подвинься вперед, - мягко приказывает он. Я подчиняюсь и тут же вспыхиваю словно свечка, когда обнаженный желанный мужчина устраивается за моей спиной, обхватив меня сильными ногами.

Между ягодиц чувствую его огромный член.

Кровь начинает пульсировать в висках, устремляется вниз и концентрируется в промежности, вызывая новую волну дрожи. Вот только теперь дрожи желания и нетерпения.

- Откинься, - он мягко тянет меня на себя. Я подчиняюсь.

Касаюсь спиной его разгоряченной груди. Откидываю голову на крепкое плечо.

Тридцать ночей мы провели вместе. Тридцать страстных, жарких, полных огня и умопомрачительных оргазмов, ночей.

Но никогда он не был так трепетно и томительно нежен.

Сегодня я открываю его с новой стороны. Он не пытается завоевать, сломить или подчинить себе.

Он старается окружить меня заботой и чувственным удовольствием.

Чувствую задницей, как вздрагивает его член.

Его ладони проскальзываю вперед, накрывают небольшое

полушария груди.

Электрический разряд прошибает мое тело, затухая между ног. Низ живота наливается расплавленным свинцом и томительно поднывает. Я горю и понимаю, что без его участия мне не остыть.

Он нужен мне как наркотик. Горячий, желанный, необузданный, властный...

Тем временем руки продолжают ласкать мою грудь. Длинные пальцы подхватывают розовые горошины сосков, мнут их подушечками пальцев, выжигая меня изнутри диким желанием.

- Прошу, - я выгибаюсь в его руках.

- Тише, девочка, - он возвращает меня на место. - Тише, еще не время...

Его бархатистый шепот ласкает мой висок. Чувственные губы касаются обнаженной кожи и целуют ее.

В этот момент его правая ладонь под водой скользит между моих ног. Кожа покрывается мурашками.

Длинные пальцы нежно, едва касаясь, поглаживают половые губы.

Кровь пульсирующей волной опускается к промежности, наполняя ее расплавленным концентрированным желанием.

Я напрягаюсь в его руках. Сжимаю руками края ванной, боясь ухнуться в воду с головой.

Горячая ладонь скользит по моей шее, большой палец поглаживает мой подбородок.

- Все будет хорошо, девочка, - шепчет хозяин. – Пока ты со мной, тебя никто не обидит...

«Пока ты со мной... Пока ты со мной... Пока ты со мной...» - пульсирует в мозгу, но я отмахиваюсь от навязчивой мысли словно от мухи.

Его губы впиваются в мою, открытую перед ним шею.

Цепочка легких, невесомых поцелуев распалает меня.

- Или они очень сильно об этом пожалеют...

Он ловит мой клитор в плен между указательным и средним пальцем.

Что он делает?

Мучительно медленные движения пальцев по кругу. От наслаждения подгибаются пальчики на ногах.

Стараюсь глубоко дышать. Закрываю глаза.

Легкие касания, скольжение по моей возбужденной плоти отдаются болезненными спазмами в животе. Влагалище горит огнем и пульсирует, готовое принять член.

Снова и снова его пальцы уверенно описывают круг.

Я забываю, как дышать, ожидая скорой развязки. Я чувствую ее приближение.

Но мужчина отпускает мой клитор в самый неподходящий момент. Сдержать стон разочарования не получается.

Напрягаюсь, когда его палец проскальзывает внутрь меня.

Горячие губы касаются моего виска, скользят по скуле. Вздрагиваю, когда он прикусывает мочку уха.

Его палец скользит во мне и вытворяет что-то невообра-

зимое. Никогда не подозревала, что можно получить столько удовольствия от мужского пальца.

- Ооо, - тихо постанываю.

Низ живота плавится и горит огнем. Я замираю, предчувствуя разрядку.

Пара быстрых движений, и мое тело содрогается от расходящихся по телу мощнейших импульсов.

Меня трясет словно в лихорадке. Хотя, наверное, так оно и есть.

Марат подхватывает меня и насаживает на каменный член. Резко, глубоко, страстно.

Он позволяет нашим слившимся телам соскользнуть вниз, мы лежим в огромной ванной.

Обхватив меня двумя руками и прижав к напряженной груди, мужчина начинает медленно двигаться во мне.

Длинные, размеренные, томительно нежные толчки.

Горячая головка раздвигает пульсирующие стенки влагалища и раз за разом врывается в меня. Глубже, острее.

Забываю, как дышать. Полностью растворяюсь в своих ощущениях.

Кончики пальцев покалывает, грудь сдавливает. Мое тело и тело партнера одновременно скручивает судорога наивысшего наслаждения.

Волна экстаза сменяется еще одной, и еще. Руки дрожат. Такого мощного оргазма у меня еще не было.

В висках стучит кровь.

Внутри себя чувствую, как изливается напряженный член. Прямо подо мной огромный мужчина тяжело и рвано дышит в унисон со мной.

На меня накатывает слабость.

Марат сам смывает с меня остатки пушистой пены и поднимается из воды со мной на руках.

По моему телу стекают струйки воды, смешиваясь на бедрах с горячей спермой.

Мужчина быстро заворачивает меня в огромное полотенце и, не отпуская, выносит из ванной.

Он опускает меня на свою кровать, не позволяя выпутаться из махрового кокона.

- Тебе надо отдохнуть, - шепчет он беспрекословно.

Я замираю, разглядывая своего хозяина, словно вижу впервые.

Хозяин ловит мой взгляд, заглядывает в глаза, пытаюсь вывести мои тайны или прочитать мои мысли.

Я жадно цепляюсь за это возможность. Смотрю и ничего не вижу в темных глазах. Они не пусты. Но свои чувства Марат Азатович держит под замком.

Горько усмехаюсь. Мне не суждено вывести его тайн, пока он сам этого не захочет.

Случайно перевожу взгляд на прикроватную тумбочку. Что??? Двенадцать часов дня!!!

Подсказываю, стараясь выпутаться.

- Марат Азатович, мне пора...

- Куда? – он хмурит брови.

- На работу...

- Считай, что у тебя сегодня выходной, - его ладони ложатся мне на плечи и нежно, но настойчиво заставляю улечься обратно.

Я не сопротивляюсь. Заворожено смотрю, как он задерживает тяжелые портьеры и тихо выходит из комнаты.

На секундочку закрываю глаза и тут же проваливаюсь в сон, окруженная воспоминаниями о теплоте и заботе одного конкретного ХОЗЯИНА.

Часть I Глава 8

Просыпаюсь.

За окном разливаются ранние осенние сумерки.

На прикроватной тумбочке ярким огоньком подмигивает мой телефон.

Приподнимаюсь на локтях и тут же судорожно притягиваю одеяло к подбородку.

Я абсолютно голая лежу в кровати Набиева. Комната пуста.

Как так получилось? Я ведь никогда не оставалась у него...

Память услужливо подбрасывает мне события сегодняшнего утра. Часто и рвано дышу, переживая все мерзости снава. Щеки заливаются румянцем, стоит мне вспомнить, как я оказалась в комнате хозяина.

Откидываюсь на кровать и закрываю лицо ладонями. О боже, мы делали это в ванной!

«- Все знают, что ты спишь с хозяином...» - в мысли врывается злой голос Сергея. «Все знают...»

Стыд заставляет вспыхнуть меня всю. Вспыхнуть и почувствовать себя грязной, падшей женщиной.

Спокойствие и умиротворение быстро исчезают. Опускаю ноги с кровати.

Я наивно полагала, что никто не догадывается, куда я спе-

шу каждую ночь.

Что бы сказал папа, если бы узнал?

Стыд острыми зубами вгрызается в меня, заставляя сердце трепетать быстрее.

Стыд - да, сожаление – нет.

Если эта связь позволит спасти папу, значит, я поступила правильно.

Может, и права была Милана, что беречь девственность для одного-единственного мужчины глупо.

Закрываю глаза и стараюсь отбросить все ненужные мысли и чувство стыда. Толку от них сейчас никакого. Буду думать об этом потом.

Успокаивая себя таким образом, соскальзываю на пол и подхватываю телефон.

Просматриваю уведомления. Несколько сообщений от Миланы ни о чем, реклама и ... и все. Ирина Ивановна не ответила ни на одно. Но прочитала все.

Что-то случилось. Сердце пропускает удар.

Дрожащими пальцами набираю номер.

- Ирина Ивановна? Почему вы не отвечаете мне? Как папа? – истерично кричу я в трубку.

- Мария? – она удивлена. – Я больше не работаю сиделкой у вашего отца.

- Но почему?

Она молчит.

- Ирина Ивановна! – нервничаю.

- Об этом вам лучше поговорить с Миланой Валерьевной, прощайте.

Слышу в трубке короткие гудки. Она сбросила.

Набираю снова и снова. Но каждый раз сиделка отклоняет вызов.

В итоге приходит сообщение: «Мария, я уже работаю с другим пациентом. Прошу вас не отрывать меня от работы. Надеюсь на ваше понимание».

Пялюсь в экран не в силах понять, что происходит.

Милана Валерьевна, что эта ведьма придумала?

На цыпочках, словно воровка проскальзываю в ванную, быстро смываю с себя остатки сна и нашей страсти.

Выбираюсь из ванной на пушистый ковер и впадаю в ступор. Как мне выйти теперь из комнаты хозяина?

Когда я видела свои вещи последний раз, они валялись грязной кучкой здесь на полу. Но сейчас их нет. Не идти же мне через весь дом в полотенце!

Поворачиваюсь и замечаю ровную стопку чистых вещей. Марат позаботился обо мне. На сердце снова теплеет, немного заглушая тревогу за папулю.

Быстро одеваюсь, приглаживаю волосы.

На широкой мраморной столешнице лежит моя сумочка. Не ожидала ее здесь увидеть, ведь она осталась в машине...

Не успеваю открыть ее, как прямо в руки мне выпадает пачка с противозачаточными таблетками.

Я смотрю на яркую картонную упаковку, как будто впер-

вые ее вижу. Онемевшими пальцами открываю и достаю блистер.

Двадцать одна малюсенькая таблеточка и никаких проблем. Становится неожиданно тоскливо.

Господи, как я запуталась!

Где я свернула не туда? Почему согласилась на такие позорные условия?

Ответ всплывает очень быстро: папуля. Ради него я готова на все.

И это «все» уже случилось в моей жизни.

Сердце щемит тоска.

Я потеряла себя и всякий стыд. Я привязалась к хозяину, но разве шлюхе положено любить?

Нет, Маша, нет! Шлюх только трахают, их не знакомят с родителями, с ними не заводят детей, на них не женятся!

Реальность наваливается бетонной плитой.

Я могу сколько угодно обманывать себя, пытаюсь разглядеть в цепких черных глазах признаки привязанности, их там все равно никогда не будет!

Выковыриваю маленькую таблеточку. Так будет правильно. Смахиваю неожиданно набежавшую слезинку.

Господи, какая я плакса.

- Что это? – гремит совсем рядом злой рык.

Мужская рука перехватывает мою ладонь с таблеткой.

- Это противозачаточные... - шепчу я, пугаясь дикой необузданной ярости в черном взгляде. Он способен испе-

пелить, уничтожить.

- Пррро-ти-во-ззза-ча-точные? - он растягивает слово, рычит.

А мне становится дурно от его перекошенного злостью лица.

- Марат Азатович, - я не понимаю этой смены настроения. Днем он был заботливым, нежным. А сейчас разъяренная глыба безжалостного гранита, готовая прихлопнуть меня.

- Противозачаточные говоришь, - он дергает меня за руку. Таблетка вылетает из моих пальчиков, подскакивает в раковине и исчезает в сливе. – Решила меня обмануть? Вытянуть побольше денег, да? Думаешь, нашла идиота?

- Я не понимаю, - мне становится все страшнее. Никогда я не видела этого человека в таком состоянии.

Его глаза бешено вращаются, верхняя губа приподнимается, изображая не улыбку, оскал.

- Ты не понимаешь? – ревет он, словно дикий зверь. – Не строй из себя дурр-ру. Мне казалось, ты умная девочка! По договору ты должна родить мне наследника за весьма кругленькую сумму, а сама тайком пьешь таблетки!!!!

Он высоко заносит руку. Я втягиваю голову в плечи, зажимаюсь, ожидая удара.

Мощный кулак со всей силы опускается на прямоугольный блистер на мраморной столешнице.

Скрежет ломающегося пластика и разлетающихся во все

стороны таблеток сливается с шумом в моей голове.
Божечки!

Часть II Глава 1

- Далеко собралась? – вздрагиваю от неожиданности.

В дверях моей комнаты застывает Милана Валерьевна. Ее цепкий взгляд быстро пробегается по мне, подмечая каждую мелочь: дорожную сумку, разбросанные в беспорядке вещи и ветровку в руках. И с каждой новой мелочью ее взгляд темнеет, а брови недовольно сходятся на переносице.

- Ты не ответила на мой вопрос? – мать сверлит меня взглядом.

- Домой, - говорю я и продолжаю запихивать вещи в сумку.

- В смысле, домой? – она нервно откидывает со лба прядь волос.

- Ты обманула меня! – бросаю ей зло.

- Я? И как же это?

- Ты продала меня! Продала своему боссу не только для утех! А теперь... теперь выясняется, что... - голос срывается.

- Перестань истерить, - она подходит ко мне и обжигает пощечиной.

Замираю, прижав ладонь к щеке.

- Отстань от меня, отстань! – кричу я со слезами на глазах.

- Ты забыла, кто привел тебя в этот дом? – грозно наступают она. – Забыла, кто поспособствовал заключению выгодного «контракта»? Я, это была я! Не смей со мной так гово-

ритель, дрянный!

- Выгодного «контракта»? Так ты называешь продажу моего тела? Просто «контрактом»?

Она морщит идеально покрашенное ухоженное личико.

- Ты не сказала, что я должна выносить ему наследника! вскидываю голову.

- И что тебя не устраивает? – она еще выше приподнимает брови.

Прикидывается или действительно не понимает?

- Я не могу! Так нельзя!

- Не можешь или не хочешь?

- И не хочу! – кричу ей в лицо, предательские слезы застилаю взор. – Я хочу родить ребенка любимому человеку, растить его вместе с ним, любить, оберегать. А не вот это вот все...

- Ты такая же дура, как твой отец! Готова жить в шалаше и растить десяток полуголодных сопливых и визжащих младенцев от «одного-единственного»? – последнее она выплевывает с презрением. – Твой отец тоже этого хотел и посмотри, где он?

- Он любил тебя! – кричу, глядя на нее широко распахнутыми глазами. – И ждал каждый день, что ты вернешься.

Она презрительно фыркает.

- Ну уж нет. Без вас у меня появился шанс все исправить и сделать свою жизнь полноценной.

Я открываю от удивления рот. Вот так просто моя мать

признается, что бросила нас, чтобы жить в свое удовольствие. Тварь.

- Ты – монстр, - шепчу я.

- Возможно, - она усмехается. – А ты, если выполнишь условия контракта, станешь святой! Откажешься от своего ребенка ради спасения отца. Практически библейский сюжет. Возможно, Марат наймет тебя няней для СВОЕГО ребенка...

Ее слова, ее неприкрытая издевка режут меня словно острый нож.

- Я отказываюсь. Я не инкубатор для детей строительных магнатов, не конвейер и не фабрика. Если хочешь, рожай от него сама!

- Соберись, дуреха! – ее пальцы больно впиваются в мой подбородок. – Ты хоть понимаешь, от чего отказываешься? Быстро умывайся и беги к Марату. Будешь на коленях ползать, вымаливая прощение. А потом затащишь его в постель и будешь очень стараться...

От ее слов внутри меня все сжимается в тугий узел. Сердце трепещет в груди словно птичка. Я сама не понимаю дикого коктейля внутри себя из чувств и эмоций.

В первое мгновение ее слова приводят меня в ужас. Особенно после того, что произошло в ванной несколько минут назад.

Но тут же мозг подкидывает мне дурманящие воспоминания тридцати ночей в хозяйской постели.

Марат просто неутомим. Раз за разом он пьет меня до дна, опустошает морально и физически.

А сегодня он просто растерзает меня в отместку за таблетки. И я не удивлюсь, если все равно вышвырнет после этого на улицу.

Хватаю ртом воздух.

Внутри все дрожит от предвкушения, злости и отвращения к самой себе.

Смотрю в холодные глаза своей матери и свирепею.

- Отвали тварь, - шиплю в ответ и стряхиваю ее руку.

- Ах вот как? – она замирает. – Ты об этом еще пожалеешь.

Надо было оставить тебя в той же куче дерьма, в которой сдыхает твой обожаемый папочка!

- Вон! Убирайся вон из моей комнаты!

- Ох, дорогуша, боюсь, у меня в этом доме больше прав, чем у тебя, - она вырывает ветровку из моих рук.

- Мне плевать, я ухожу!

- Как хочешь, - Милана Валерьевна резко меняет тон. Ее голос становится деловым, холодным.

- Вот и отлично, - стираю с лица соленые дорожки.

- Конечно, - она разворачивается на каблуках. – Когда будешь уходить - оставь аванс.

Мои глаза расширяются от ужаса. Сто пятьдесят тысяч рублей. Сейчас для меня это огромная сумма денег.

Именно этими деньгами я заплатила за папину химиотерапию и за нахождение в стационаре.

У меня никогда не было таких денег, и появятся они тоже очень не скоро.

- Это был аванс, - шепчу я. – Я его... отработала...

Говорю, а внутренности сжимаются от отвращения. Даже в собственных мыслях я никогда не признавала этого. Я шлюха! Я сплю с мужиком за деньги!

- Да? – Милана делает удивленное лицо. Актриса из нее хреновая. – Значит, плохо отработывала. В «контракте» черным по белому указано, что при расторжении контракта и не выполнении своих обязанностей, ты возвращаешь все деньги и сразу!

Сердце ухает вниз, голова кружится.

- Ну, так что ты решила? – по губам Миланы Валерьевны скользит улыбка превосходства. Она прекрасно знает, что не оставила мне выбора.

На негнущихся ногах очень медленно иду к кабинету хозяина. Сердце стучит в груди как бешенное.

Пальцы немеют от страха.

Ладонь все еще горит от импульсивной необдуманной пощечины, что я залепила Марату Азатовичу.

Но я испугалась. Его черный безумный взгляд прожигал меня насквозь, заставляя внутренности сжиматься от страха.

- Ты решила меня обмануть? – от его грозного рыка захотелось испариться, сбежать, спрятаться.

Но он крепко держал меня за руку, больно впиваясь пальцами в запястье.

Его разъяренное лицо приближалось. Пальцы сильнее сжимали мою руку. Я запаниковала. И...

Сама не понимаю, как моя ладонь ударила его по щеке. Оглушительный звон и сейчас звучит в моей голове. Секундная заминка и ладонь взорвалась сотней болевых импульсов.

Поглаживаю до сих пор онемевшую ладошку.

Зато эта пощечина позволила мне сбежать. Как я думала, навсегда. Но...

Рвано вздыхаю, останавливаясь перед массивной дубовой дверью.

Вытягиваю рукава у кофты, стараясь спрятать в них ладони. Кусаю в отчаянье губы.

Господи, если бы у меня был выбор!

Если все так, как говорит Милана, у меня нет выбора. Мне нужен этот «контракт» и нужны эти деньги. Я не могу потерять отца.

Ребенок... Ведь ребенок – это счастье.

Для себя я уже все решила, но вот хозяин... Что решит он?

Поднимаю руку и отрывисто стучу.

- Войдите! – его рык подобен грому.

Открываю дверь и замираю на пороге, облитая с ног до головы его раздражением.

- Можно? – едва могу выдавить из себя.

Сумрак позднего осеннего вечера разрезает лишь тусклый свет настольной лампы.

Хозяин сидит на кожаном кресле, окутанный в мягкую тень.

Не могу разглядеть его лица. Улавливаю лишь очертания. Он жестом приглашает меня. И молчит.

Тишина давит. Заставляет нервничать.

- Марат Азатович, я... - голос дрожит.

Его длинные пальцы сжимают пузатый бокал, легким движением руки он заставляет содержимое бокала вздрогнуть и проскользнуть по стенкам.

- Я бы хотела извиниться за недоразумение... - облизываю пересохшие губы.

Мне кажется или в темноте сверкают его глаза.

Он делает большой глоток. И молчит.

Ощущаю на себе его тяжелый изучающий взгляд.

- Марат Азатович, прошу. Выслушайте. Милана Валерьевна, она нашла мне работу... Я думала, что буду горничной. Я не думала. Она подсунула мне контракт, я подписала, я не знала, что в нем, - тараторю быстро.

- То есть ты ничего не читала? – говорит он холодно.

Я всхлипываю и качаю головой.

- Но ты же пришла в первую ночь, готовая ко всему? – его яростный безумно-черный взгляд пригвождает меня к месту.

- Она сказала, что я должна стать вашей любовницей и все. Сказала, что это временно...

- Значит, она обманула и меня, - говорит он, растягивая

слова. – Вместо умной и покладистой девочки, она мне подсунула тупую истеричку.

Его слова бьют меня словно пощечина. Задыхаюсь от обиды и отчаянья.

- Мне очень нужна работа... Понимаете, очень дорогой для меня человек...

Марат Азатович делает нетерпеливый жест, обрывая мою сбивчивую речь. Его брови сходятся на переносице, высокий лоб прорезают складки. Он не желает слушать мои объяснения.

- Мне очень нужны деньги, - заканчиваю почти шепотом.

- Деньги? - выплевывает он с презрением. – Да, Милана говорила что-то про твои нужды...

Надо же Милана рассказала босу про папу! Может, она и незаконченная мразь, какой я ее считала?

- Вы можете быть свободной, Мария, - он обращает внимание на свой бокал и делает вид, что меня больше не существует.

- Прошу, - кусаю губы в сотый раз, выкручиваю в отчаянье пальцы. – Позвольте мне остаться. Я готова загладить свою вину...

Сама не понимаю, зачем добавляю последнюю фразу.

- Загладить вину? Как ты собираешься заглаживать вину? – его голос спокоен, отстранен.

Но я чувствую его прожигающий взгляд.

- Я не знаю... я сделаю все, только скажите... - продолжаю

шептать.

- Все?

- Все-все, - надежда снова подстегивает меня.

Судорожно киваю головой. Сердце в груди пропускает удар. Слабая надежда приподнимает голову.

- Подойди, - требует он.

Я рвано выдыхаю и подхожу к нему.

Он откидывается в глубоком кресле и изучает долгим взглядом.

Я чувствую, как он скользит по длинной кофте, задерживаясь в вырезе, ласкает грудь, опускается ниже, задерживается на бедрах...

Так не вовремя в памяти всплывают сотни умопомрачительных оргазмов, что настигали меня благодаря хозяину.

Промежность горит огнем, заставляя стенки влагалища пульсировать от неожиданно накатившего желания.

Судорожно сжимаю ладони в кулаки.

Встряхиваю головой.

- Ближе, - его голос становится ниже, лаская слух.

Делаю еще шаг и еще. Останавливаюсь всего в нескольких сантиметрах, ощущая жар мужского тела даже через одежду.

- Раздевайся! – звучит короткий приказ.

Вздрагиваю, но тут же принимаюсь стягивать кофту.

Взбунтовавшуюся было гордость запихиваю куда подальше. Не до нее сейчас.

Подхватываю лямки бюстгальтера и стягиваю их вниз под

тяжелым, пожирающим меня взглядом моего ХОЗЯИНА.

Груди касается прохладный воздух. Соски тут же сжимаются, выставляя вперед напряженную горошину.

Марат Азатович нетерпеливо облизывает пухлые губы.

Дрожь становится сильнее. Низ живота болезненно скручивается спазмом неутоленного желания.

Дрожащими пальцами едва справляюсь с застежкой на джинсах. Несколько движений и плотная ткань опускается к моим ногам.

- Иди сюда, - хрипит мужчина.

Я делаю шаг в его сторону, физически ощущая острую потребность в его ласках.

Вздрагиваю, когда его горячая ладонь ложится на мое обнаженное бедро и начинает его поглаживать, мять.

По коже пробегает электрический разряд и устремляется прямо в промежность.

Влагалище тут же сжимается. Низ живота в очередной раз отдается болезненным томлением.

Хозяин перехватывает мою похолодевшую ладонь и прикладывает к своей ширинке.

Надавливает сверху, заставляя сжать ладонь, смять ткань и обхватить напряженный член прямо через брюки. Сам же делает пару толчков бедрами, скользя в моих руках.

Приглушенный стон срывается с его губ.

- Вставай на колени, - его пальцы уверенно расстегивают ширинку, выпуская для меня огромный налитой член.

Словно безвольная кукла я опускаюсь на колени.

Внутри что-то надламывается.

Я больше не замечаю в черных глазах никаких искр. Только холодная, властная, не отпускающая меня чернота.

Меня обволакивает терпким запахом его парфюма и мускусным запахом горячего мужского тела.

Дрожащими от волнения руками касаюсь напряженного ствола. Гладкая кожа тут же сдвигается, открывая мне лоснящуюся лиловую головку.

Боюсь сделать мужчине больно, неприятно. Подушечками пальцев пробегаюсь вверх и вниз по стволу, оглаживаю каждую венку.

В ответ слышу шумный вздох.

- Продолжай, - хрипит он.

Сжимаю член чуть сильнее и с удивлением замечаю, как мошонка тут же подбирается.

Осторожно касаюсь смуглого кожистого мешочка. Глажу его, перебирая складки.

Огромные ладони Марата крепко сжимают подлокотники.

Напряженный член вздрагивает и приподнимается ближе ко мне.

В висках бьет пульс.

Я не знаю, что делать дальше. Совсем.

- Черт, больше не могу, - тяжелая ладонь Марата ложится на мой затылок, собирает волосы в кулак и заставляет на-

клониться ближе.

Я почти упираюсь носом в горячую ароматную головку.

- Открой рот, - требует хозяин.

Я подчиняюсь.

Стоит моим губам раскрыться, как Марат практически пронзает меня своим членом. Огромный и мощный он проskalъзывает внутрь до самой глотки. И замирает.

Через несколько секунд хозяин ослабляет хватку на моем затылке, позволяя мне приподняться.

Губами, плотно обхватившими член, собираю смазку и собственную слюну.

Не успеваю сделать вдох, как член вновь рывком проталкивается в меня и вновь до самого основания.

Тяжелая ладонь не позволяет отстраниться.

Низ живота продолжает болезненно сжиматься, но огонь в крови моментально сменяется ледяной волной разочарования.

Я чувствую себя униженной, растоптанной.

На ресницах повисают слезы. Дыхание перехватывает.

- Дыши носом и расслабься, - длинные пальцы лениво массируют мой затылок, приказывая мне сбросить напряжение.

Слезы повисают на ресницах. Шумно втягиваю воздух через нос.

Его ладонь направляет меня. Во рту скользит раскаленный член.

Мужчина быстро трахает меня в рот, ничуть не заботясь о моем удовольствии.

Несколько мощных рывков и его ладонь каменеет на моей голове.

Напряженный до предела ствол вздрагивает, и я чувствую, как во рту разливается горячая вязкая сперма.

Тело мужчины сокращается от удовольствия, через сжатые губы вырывается приглушенный стон.

Его огромная ладонь соскальзывает с моей головы, позволяя отстраниться.

По губам и подбородку растекается слюна вперемежку со спермой.

Я судорожно сглатываю терпкую слегка вязющую жидкость.

- Инцидент исчерпан, - хрипит Марат Азатович, буднично заправляя член в брюки.

Я отшатываюсь, заливаясь краской стыда.

Болезненный спазм внизу живота напоминает мне о собственном неутоленном желании. Даже сейчас, после того, что случилось, я все еще хочу его.

- Я...

- На сегодня ты свободна, - он кивает на дверь и отпивает виски из своего бокала.

Внутри все сжимается от острого разочарования. Меня просто использовали и оттолкнули.

Я почему-то глупо надеюсь, что после произошедшего он

захочет большего.

Память снова и снова услужливо подбрасывает мне самые жаркие, самые страстные и запретные фрагменты наших совместных ночей.

Свожу ноги, чтобы унять неуместное желание, что никак не остынет внутри.

Да сколько можно?

Мое движение не остается незамеченным.

- Что-то еще? – он вопросительно вскидывает бровь.

И снова стыд и злость заполняют меня, от лица отливает кровь.

Подхватываю свою одежду и пытаюсь натянуть прямо на голое тело, не утруждаясь поиском нижнего белья.

- Я... - сглатываю, - я могу завтра взять свой выходной?

Он стоит у меня по графику. Но Марат Азатович был так добр с утра. Сердце болезненно сжимается от воспоминаия о его заботливых и нежных объятиях.

- Конечно, - отзывается он безразлично. – Потрать его с пользой.

Он делает эффектную паузу. Поднимаю взгляд.

Хозяин очень красноречиво указывает на не застегнутую ширинку моих джинсов, в которой виден треугольничек темной щетины на лобке.

Моментально вспыхиваю. Горят щеки и уши.

Я регулярно бреюсь одноразовым станочком. Но делать это ежедневно невозможно, иначе не миновать раздражения.

Делать эпиляцию, депиляцию, шугаринг или что там еще придумали в мире, я не имею возможности. У меня никогда не было свободных денег на «баловство».

Закусываю губу и киваю.

Проглатываю еще одно унижение на сегодня.

Разворачиваюсь на каблуках и шагаю к двери.

– Давай проясним одну деталь, – останавливает меня сухой деловой голос хозяина. – На что ты рассчитываешь?

– Я бы хотела и дальше работать на вас... горничной, – сердце замирает на миг.

– Исключено! – почти грубо бросает Марат Азатович и резко подается вперед.

Его идеальное лицо с густыми бровями, цепкими черными глазами и аккуратно подстриженной бородой освещается настольной лампой.

– Горничных у меня хватает.

Отчаянье охватывает меня. Обреченно выдыхаю.

– Но... – он делает паузу. – Контракт остается в силе. Меня устраивает твое тело.

Вспыхиваю.

– ...твои оргазмы и вздохи...

Дыхание перехватывает.

– ...твоя отзывчивость...

Сердце бешено стучит в груди.

– ...но меня не устраивает количество секса! – припечатывает он.

Я вскидываю на хозяина испуганный взгляд.

- Несколько часов по ночам – это слишком мало!

Начинаю дрожать.

Внутри, смешиваясь между собой, разгораются злость на себя, на него, на мать, на вселенскую несправедливость, восстающая гордость, жгучий стыд, глупая надежда, что может быть...

- С этого дня раздвигать ноги будешь по первому моему требованию.

Я замираю.

- Отныне твое тело будет принадлежать мне. Я буду решать, что ты будешь с ним делать и во что одеваться.

Гулко сглатываю.

Очередная пауза давит на нервы. Я молчу, не в силах вымолвить ни слова.

- Наш контракт, который ты должна была прочитать, составлен таким образом, что его невозможно разорвать. Он не имеет обратной силы. Только достижение всех пунктов. И... вознаграждение.

Последнее он практически выплевывает.

Ах, вот оно что! Усмехаюсь про себя. Тварь и по совместительству моя родная мать отлично знала о том, что контракт нерасторжим, поэтому и не дала его прочитать.

- НО! – он снова прожигает меня своим тяжелым пристальным взглядом. – Я не трахаю никого насильно. Никогда! Запомни это. Поэтому, если ты не согласна на мои усло-

вия – уходи. Считай, что аванс ты только что отработала.

Желание сбежать, залезть под душ, смыть с себя нелепое желание, прополоскать рот нестерпимо.

Закусываю губу. Тело сотрясает нервная дрожь.

Я могу прямо сейчас уйти. Просто хлопнуть дверью и не отрабатывать те сто пятьдесят тысяч, что пошли на папину химиотерапию.

Папа! Тут же в памяти всплывает до боли родное изможденное тяжелой болезнью лицо и грустная улыбка.

Если я уйду сейчас, у него не будет шанса.

- Твой ответ? – он не дает мне времени подумать.

Хотя я и так знаю ответ. У меня просто нет другого выхода. Опять.

- Я согласна, - отвечаю уверенно. Сердце грохочет в груди.

– А... ребенок?

Этот вопрос меня волнует больше всего.

- Хм, - он ухмыляется. – К этому пункту мы вернемся позже. Когда я вдоволь смогу насладиться твоим телом, а ты пройдешь все необходимые обследования.

Его жестокие слова больно полосуют по сердцу.

Едва киваю и, заметив, что хозяин потерял ко мне интерес на сегодня, выскальзываю за дверь.

Часть II Глава 2

Пролетаю по коридору, вверх по лестнице и врываюсь под защиту своей комнаты.

Морщусь, словно съела целый лимон, увидев ее.

На моей кровати, развалившись на подушках, сидит Милана.

- Ты быстро? – она скалится. – И как все прошло?

- Не твое дело, - огрызаюсь в ответ.

Она смотрит на меня долгим нечитаемым взглядом.

- Не думай, что ты лучше меня, Мария.

- Я не...

- Теперь ты подстилка миллионера, пользуйся на здоровье. Но очень скоро все закончится, и ты отправишь обратно в свою дыру. И именно от меня зависит, как долго ты будешь «работать» под господином Набиевым. Советую, со мной дружить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.